

РОБЕРТ РИД

Камуфляж

Свое первое произведение Роберт Рид опубликовал в 1986 году и вскоре стал постоянным автором «The Magazine of Fantasy & Science Fiction» и «Asimov's Science Fiction», а также «Science Fiction Age», «Universe», «New Destinies», «Tomorrow», «Synergy», «Starlight» и других изданий. Рид — один из самых плодовитых современных писателей, особенно по части сочинения рассказов; серьезную конкуренцию ему могут составить разве что Стивен Бакстер и Брайан Стэблфорд. Но при всей своей плодовитости, ему, как и Бакстеру со Стэблфордом, удается удерживать очень высокую планку качества прозы, а это не так просто, как кажется. Рассказы Рида «Сестра Элис» («Sister Alice»), «Брат Совершенство» («Brother Perfect»), «Порядочность» («Decency»), «Избавитель» («Savior»), «Сожаление» («The Remoras»), «Куколка» («Chrysalis»), «Хвост» («Whiptale»), «Запасной изрок» («The Utility Man»), «Мозг» («Marrow»), «День рождения» («Birth Day»), «Слепец» («Blind»), «Жаба с неба» («The Toad of Heaven»), «Большой шаг» («Stride»), «Форма всего сущего» («The Shape of Everything»), «Почетный гость» («Guest of Honor»), «Плата за добро» («Waging Good»), «Убить завтрашний день» («Killing the Tomorrow») и еще с полдюжины столь же сильных вещей стоят в ряду лучших произведений жанра 80–90-х годов. Многие замечательные рассказы вошли в сборник «Драконы из Весеннего источника» («The Dragons of Springplace»). К тому же Рид оказался весьма успешным романистом и с конца 80-х по настоящее время написал уже десять произведений, в том числе «Подветренный берег» («The Leeshore»), «Гормональные джунгли» («The Hormone Jungle»), «Черное молоко» («Black Milk»), «Удивительные» («The Remarkables»), «По светлomu пути» («Down the Bright Way»), «За звездной вуалью» («Beyond the Veil of Stars»), «Восторг жаворонков» («An Exaltation of Larks»), «Под открытым небом» («Beneath the Gated Sky»), «Жизненная сила» («Marrow») и «Сестра Элис» («Sister Alice»). Среди последних книг автора повесть «Топь» («Mere»), новый сборник «Кукушата» («The Cuckoo's Boys») и роман «Колодец звезд» («The Well of Stars»). Рид живет со своей семьей в городе Линкольн, штат Небраска.

В нижеследующем произведении перед читателями развивается захватывающая история об убийствах, которые происходят на борту звездолета, превосходящего размерами любую планету.

I

Этот человек мужского пола жил здесь уже около тридцати двух лет. Соседи по авеню считали его бобылем, порой вспыльчивым, но никогда не хамящим без причины. Не многие имели возможность познакомиться поближе с его черным юмором и убийственным интеллектом, который, по слухам, угадывался во взгляде его темно-карих глаз. Ценители красоты утверждали, что мужчина не особенно привлекателен: лицо, мол, слегка асимметрично, шелушащаяся бугристая кожа жирновата, а каштановые волосы выглядят так, словно он собственноручно обкорнал их тупым ножом. И все же, если верить праздной болтовне, эта грубоватая внешность вызывала интерес некоторых дам. Для человека он был не слишком крупным экземпляром, зато многие считали, что мужчина отличается крепким телосложением, — возможно, из-за того, что он ходил выпрямив спину, расправив плечи и слегка наклонив голову, словно разглядывая что-то с большой высоты. Кое-кто высказывал предположение, что он родился в мире с высокой гравитацией, поскольку старые привычки, как известно, бессмертны. Или, быть может, это тело не являлось его настоящим телом, а душа все еще тосковала по тем дням, когда хозяин был великаном. Вокруг прошлого мужчины строились бесконечные предположения. Естественно, у него имелось имя, и все его знали. Обладал он и подробной биографией, которую без труда можно было найти в общедоступных источниках. Но, кроме того, существовала по меньшей мере дюжина альтернативных версий его прошлого и пережитых им невзгод. Его называли и поэтом-неудачником, и чертовски успешным поэтом, и беженцем, ускользнувшим из некой политической заварухи, — и, конечно же, не обошлось без намеков на криминал. Сомнений не оставляло только его вполне стабильное финансовое положение, но вопрос, откуда к мужчине текут денежки, являлся предметом горячих споров. Некоторые твердили, что дело в привалившем счастливицу наследстве. Другие делали ставку на удачу в азартных играх или прибыльные инвестиции в отдаленные колониальные миры. Как бы то ни было, загадочный человек мог позволить себе роскошь ничегонеделания, а за годы проживания на этой уединенной улочке он не раз помогал соседям безвозмездными ссудами, а иногда и кое-чем посущественнее.

Тридцать два года — не так уж и много. Тем более для существа, запросто путешествующего меж звездами. Большинство пассажиров Корабля и весь экипаж относились к нестареющим, вечным душам, стойким, не подверженным болезням, с усовершенствованным разумом, отличающимся стабильностью и глу-

бочайшей памятью, готовой вместить миллион лет комфортного существования. Вот почему три десятилетия немногим отличались от вчерашнего дня, и вот почему еще век-другой, а то и все двадцать, местные будут называть своего соседа новичком.

Так уж устроена жизнь на борту Великого Корабля.

Миллионы таких же, или почти таких, проходов-авеню прорезали судно. Некоторые улицы, те, что покороче, можно было пройти за день, другие же не прерываясь тянулись на тысячи километров. Многие пустовали, оставаясь такими же темными и холодными, как в тот момент, когда люди обнаружили Великий Корабль. Но прочие дали приют пробудившим их людям и всяческим странноватым чужеземным пассажирам. Кто бы ни построил корабль — а была это, вероятно, древняя, давно вымершая раса, — судно, бесспорно, предназначалось для обитания самых разнообразных организмов. Другого звездолета, подобного Великому Кораблю, просто не существовало: огромного, больше многих планет, необычайно надежного, переживающего эры в кружении между галактиками, и приятного на вид едва ли не каждому глазу.

Богатейшие жители тысяч миров буквально разыгрывали в лотерею удовольствие погрузиться на борт этого сказочного корабля, чтобы совершить полумиллионелетний межгалактический круиз. Даже самый бедный пассажир, проживающий в крохотной «каютке», глядя на величие своего грандиозного дома, чувствовал себя особенным, счастливым и благословенным.

Длина авеню, о которой идет речь, была почти сто километров, а ширина — около двухсот метров. Шла она слегка под уклон. Сточные воды неглубокой певучей рекой текли по гранитному полу цвета соли с перцем вот уже пятьдесят тысяч лет, выточив в камне канал. Местные возводили над ручьем мосты, а вдоль берегов расставляли кадки и горшки с землей, имитирующей почву бесчисленных миров, в которых что только не росло, — так что было где побаловать ноги. Большой горшок торчал и перед дверями мужчины — сосуд из керамической пены, стянутый отполированным до блеска ободом, клумба площадью в одну десятую гектара. Едва прибыв сюда, мужчина вытравил старые джунгли и посадил другие; впрочем, он явно не питал склонности к садоводству. За новыми растениями никто не ухаживал, их нещадно теснили сорняки и прочие зеленые самозванцы.

Вдоль края горшка тянулась неровная кайма льянос вибра — инопланетного цветка, известного своими дикими навязчивыми песнями.

— Надо бы выполоть этот сорняк, — говорил мужчина соседям. — Ненавижу шум.

И все же он не выдергивал ни сами ростки, ни маленькие голосовые коробочки. А после десятилетия-другого подобных жалоб соседи начали догадываться, что мужчина втайне наслаждается сложными, абсолютно чуждыми человеческому уху мелодиями.

Большинство его соседей являлись разумными, полностью автономными машинами. В начале путешествия эта улица была сдана в аренду благотворительному фонду, в задачу которого входило обеспечение жильем и средствами к существованию освобожденных механических рабов. Но за минувшие тысячелетия органические расы — в том числе пара янусиан ниже по течению и разросшееся семейство удальцов выше — вырубили в стенах собственные жилища.

Человек был холостяком, но ни в коем случае не отшельником.

Обеспечить настоящее одиночество не составило бы труда. Пусть на борту миллиарды пассажиров — все равно внутреннее пространство корабля изобилует никем не занятыми площадями и огромными пещерами, морями воды, аммиака и метана, а также резервуарами размером с луну, наполненными жидким водородом. Куча уголков пустует. Дешевая, манящая глушь ждет повсюду с распростертыми объятиями. Короткое путешествие в капсулке — и человек мог бы оказаться в глубине любого из шести необжитых мест, будь то скрытые в стенах акведуки канализации или лабиринт пещер, так и не нанесенных, по слухам, ни на одну карту. Но в настоящее время место обитания устраивало мужчину по нескольким причинам. Во-первых, он всегда мог сбежать куда угодно. Во-вторых, соседи. Машины неизменно бодры, к ним легко найти подход, они фонтанируют информацией, если знаешь, как с ними обращаться, и при этом они совершенно равнодушны к тонкостям органической жизни.

Давным-давно Памир жил отшельником. В те времена иного разумного выхода не существовало. Капитаны Корабля редко покидают пост, особенно многообещающие капитаны его ранга.

Он сам стал причиной собственного краха, сам — и с помощью инопланетянки.

Инопланетянки, ставшей его любовницей.

Она была гейанкой, беженкой, и Памир нарушил несколько правил, помогая ей найти пристанище в самых недрах корабля. Но на поиски бросился еще один гейанец, и в итоге оба этих очень странных существа едва не погибли. Кораблю ничего не угрожало, но кое-какое важное оборудование оказалось уничтожено, так что, с трудом уладив ситуацию, Памир растворился среди населения звездолета, дожидаясь, как говорится, когда горизонт очистится.

Тысячи лет практически не изменили его статуса. Судя по слухам, Старший Штурман перестал искать беглеца. Молва утверждала, что два, три или четыре выхода с корабля зарегистрировали высадку отщепенца в различных колониальных мирах. Или что он умер какой-то мерзкой смертью. Лучшая, самая доброжелательная сплетня поместила его в малюсенькую ледяную пещерку. Мол, контрабандисты убили его и замуровали тело в стеклянной гробнице, а после веков без еды и воздуха иссохший каркас прекратил попытки исцелиться. Памир превратился в слепой разум, запертый в окаменевшем трупe, а контрабандистов в конечном счете поймали и допросили лучшие в своей области специалисты. После применения жестких мер бандиты сознались в убийстве печально известного опозоренного капитана, хотя точное место их преступления так и не было — и уже никогда не будет — установлено.

Еще несколько тысяч лет Памир провел в скитаниях, меняя дома и перекраивая лицо и имя. За этот срок он износил около семидесяти личностей, разработанных настолько детально и тщательно, чтобы вызывать доверие, и одновременно достаточно скучных, чтобы избегать излишнего внимания. По понятным причинам он считал правильным окутывать себя ореолом загадочности, позволяя соседям изобретать любые истории для объяснения пробелов в его биографии. Но все, что они сочиняли, с истиной и рядом не лежало. Машины и люди и представить не могли перипетии его жизни. Однако, несмотря на все вышеперечисленное, Памир оставался хорошим капитаном. Чувство долга заставляло его присматривать за пассажирами и кораблем. Возможно, ему суждено прожить в бегах еще веков двести, но он всегда будет предан этому грандиозному сооружению и его бесценным, практически бесчисленным обитателям.

То и дело он совершал добрые поступки.

Как, например, с теми удальцами-соседями, представителями двуногой расы, гигантами по всем меркам, оснащенными бронированными пластинами, ороговевшими локтями и коленями и высокомерием, выработанным за миллионы лет блужданий среди звезд. Но именно эта семья не обладала политическим влиянием в своих кругах, что считалось у удальцов просто неприличным. Они конфликтовали со старой Матерью Отцов, и когда Памир увидел, что происходит, он вмешался, и за шесть месяцев, действуя то хитростью, то решительностью, положил конец вражде. Мать Отцов пришла к своим противникам, пятясь задом наперед в знак полной покорности, и запричитала, моля о смерти или по крайней мере о том, чтобы семейство забыло ее преступления.

Никто не заметил участия Памира в этом предприятии. А если бы кто и уличил его, капитан поднял бы проныру на смех,

а потом просто испарился бы, перебросив себя в новую личность на отдаленной авеню.

Серьезные деяния всегда требуют полной перемены жизни.

И свежего лица.

И слегка перекроенного тела.

И очередного незапоминающегося имени.

Вот так Памир и жил, придя к выводу, что это не такой уж и плохой способ существования. Судьба или какая-нибудь иная богиня одарила его чудесным предложением, чтобы быть всегда наготове, никогда не доверять первому впечатлению, помогать тем, кто заслуживает помощи, и, когда приходит время, вновь и вновь переклеивать себя.

И это время всегда приходило...

II

— Привет, приятель.

— И тебе привет.

— Что подделываешь вечерком, мой лучший дружище?

Памир сидел возле своего гигантского глиняного горшка, слушая хор льянос вибра. Помолчав, он буркнул, сухо улыбнувшись:

— Намереваюсь прочистить потроха.

Машина расхохоталась, чуть-чуть слишком восторженно. Дом ее находился в полукилометре выше по авеню, и это жилище она делила с еще двадцатью легально-разумными ИИ, вместе бежавшими из какого-то мира. Резиновое лицо и яркие стеклянные глаза изобразили лучезарную улыбку, а счастливый голос провозгласил:

— Я учусь. Ты уже не шокируешь меня своими грязными органическими разговорами. — Машина помолчала и снова добавила: — Дружище, — присовокупив заодно и вымышленное имя мужчины.

Памир кивнул и пожал плечами.

— Славный вечерок, не так ли?

— Лучший из лучших, — бесстрастно ответил он.

Вечер на этой авеню зависел от установленного на борту времени. Машины пользовались двадцатичетырехчасовым корабельным циклом, но здесь шесть часов абсолютной тьмы чередовались с восемнадцатью часами ослепительного света. Вся эстетика сводилась к минимуму. Стены авеню были из грубого гранита, за исключением небольших пятачков, где органические арендаторы соорудили деревянные или черепичные фасады. Потолок представлял собой гладкий свод из средней твердости гиперфибры — зеркального материала, покрытого тонким налетом копоти, смазочных масел и прочих отходов. Светильники с момента создания корабля не менялись: тонкие сияющие трубки тянулись по всей

длине потолка. С наступлением вечера свет не тускнел, краски не блекли, и не было заката, который залил бы все багрянцем. Сразу приходила ночь... до которой еще несколько минут, прикинул Памир. Последуют три предупреждающие вспышки, а потом — непроглядная, удушающая чернота.

Машина продолжала улыбаться, видимо желая что-то выразить. Взгляд светящихся кобальтовых глаз не отрывался от человека, сидящего возле поющих сорняков.

— Ты чего-то хочешь, — догадался Памир.

— Большого или малого. Можно ли объективно оценить собственные желания?

— А от меня тебе что нужно? Большого или малого?

— Очень малого.

— Выкладывай, — буркнул Памир.

— Есть женщина.

Памир промолчал, выжидая.

— Человеческая самка, между прочим. — Каучуковое лицо ухмыльнулось с якобы искренним восхищением. — Она наняла меня для одной услуги. А услуга эта — организовать знакомство с тобой.

— Знакомство, — равнодушно повторил Памир. И одновременно, задействовав цепь потайных звеньев, привел все системы безопасности в боевую готовность.

— Она хочет встретиться с тобой.

— Зачем?

— Потому что находит тебя очаровательным, естественно.

— Меня?

— О да. Все здесь считают тебя очень интересным. — Эластичное лицо растянулось вместе с радостно оскалившимся ртом, никогда не использовавшиеся белоснежные зубы блеснули в последних «вечерних» лучах. — Но опять-таки нас легко поразить. В чем смысл существования? Какова цель смерти? Когда окончится рабство и начнется беспомощность? И что за человек живет рядом со мной? Я знаю его имя, и я ничего не знаю.

— Кто эта женщина? — фыркнул Памир.

Но машина не собиралась отвечать прямо.

— Я изложил ей все, что знаю о тебе. Что знаю точно и что предполагаю. И пока говорил, мне открылось, что после всех этих наносекунд непосредственной близости мы с тобой остались чужими.

Окружающий ландшафт был ничем не примечателен. Сканеры сообщили Памиру, что все лица в округе известны, сетевой трафик совершенно обычен, и даже расширенный поиск не дал ничего, стоящего хоть малейшего внимания. Именно поэтому че-

ловек забеспокоился. Стоит только взглянуть попристальнее — и обнаружишь что-то подозрительное.

— Женщина восхищается тобой.

— Неужто?

— Несомненно. — Машина обладала фальшивым телом, худощавым и высоким, облаченным в простую кремовую хламиду. Из-под складок высунулись четыре паучьи конечности, удлинились и стукнули по нереальной груди. — Я не силен в человеческих эмоциях. Но из того, что она сказала, и того, о чем промолчала, делаю вывод, что она жаждала тебя довольно долго.

Льянос вибра затихли.

До ночи оставались считанные секунды.

— Ладно, — бросил Памир, поднялся и спрыгнул с края цветочного горшка на пол. Подошвы ботинок глухо стукнули о твердый бледный гранит. — Без обид. Только какого черта она наняла тебя?

— Она дама стеснительная, — предположила машина и рассмехалась, позабавленная собственной шуткой. — Нет, нет. Совсем не стеснительная. В сущности, она очень важная особа. Возможно, потому-то ей и понадобился посредник.

— В смысле — важная?

— Во всех смыслах, — заявил механический сосед, после чего с неподдельной завистью добавил: — Ты должен быть польщен ее вниманием.

Вторая сеть сенсоров безопасности ждала. Памир никогда еще не пользовался ею, датчики были так надежно спрятаны, что никто не догадывался об их существовании и не замечал их присутствия. Но чтобы они вышли из спячки, требовались бесценные секунды и еще полсекунды на настройку и установку соединения. А затем, как раз когда в первый раз мигнули под зеркальным потолком предупреждающие огни, Памиру наконец-то открылось то, что было очевидно с самого начала.

— Ты не просто мой сосед, — бросил он в резиновое лицо.

Вторая вспышка зыбью прокатилась над головой, и мужчина разглядел зависший поблизости экранированный капсулкар с рядом солдат в «брюхе».

— Кто еще прячется в этом теле? — рывкнул Памир.

— Я покажу тебе, — откликнулась машина. Затем две руки упали, а две другие взметнулись, чтобы яростным рывком сдернуть резиновую маску и крупноячеистый мозг плюс искусную маскировку. За лицом оказалось другое лицо, узкое, в некотором роде привлекательное; суровое лицо, позволившее себе короткую, как удар кинжала, улыбку, и новый голос обратился к загадочному мужчине: — Пригласи меня в дом.

— Зачем это мне? — парировал он, ожидая какой-нибудь убийственной угрозы.

Но вместо того чтобы угрожать, Миоцен сказала просто:

— Затем, что мне нужна твоя помощь. В одном маленьком дельце, которое должно остаться — предупреждаю — нашим маленьким секретом.

Ш

Штат капитанов возглавлял Старший Штурман, а следующей по значимости была ее должность — должность Первого Помощника. В корабельном царстве Миоцен являлась вторым лицом, облеченным практически безграничной властью. Упорная и жесточайшая, коварная и холодная Миоцен. Из всего невероятного дерьма, которое могло с ним случиться, это было дерьмовее всего. Памир смотрел, как его гостя избавляется от последних лоскутков личины. Наружный ИИ действовал сейчас в режиме диагностики. Солдаты по-прежнему прятались, пользуясь новоявленной тьмой и стародавними уловками. Внутри его жилища скрывались всего двое, что не имело смысла. Если бы Миоцен знала, кто он, то просто приказала бы бойцам схватить преступника, избить и швырнуть в корабельную тюрьму.

Значит, она не догадывалась, кто он.

Наверное.

Первый Помощник обладала заостренным лицом, черными волосами, слегка тронутыми белоснежной сединой, тощим долговязым телом без возраста, зато с отменным балансом. Носила она простой мундир, в точности повторяющий капитанскую форму, с минимумом украшений типа погон и эполет. Долгую секунду она вглядывалась в недра дома Памира. Что-то искала? Нет, просто беседовала с кем-то по сети. Затем гостя отрубила все контакты с внешним миром, повернулась к хозяину и произнесла его нынешнее имя.

Памир кивнул.

Она назвала прошлое имя.

Он снова кивнул.

Тогда она с вопросительной интонацией, означающей конец перечисления, назвала третье.

— Возможно, — бросил он.

— Так это был ты или не ты?

— Возможно, — повторил мужчина.

Кажется, она развеселилась, хотя ничего смешного тут не было. Улыбка женщины растянулась и затвердела, губы почти исчезли.

— Я могу заглянуть и глубже, — заявила она. — Возможно, я даже докопаюсь до того момента, когда ты отринул свою первоначальную личность.

— Да на здоровье, милости прошу.

— Можешь не просить милости, ты и так в безопасности. — Она была гораздо выше Памира — спасибо его маскировке. Женщина шагнула ближе к заблудшему капитану и сказала: — Твое происхождение меня не интересует.

— Значит... — начал он, затем подмигнул и добавил: — Значит, это правда, мадам? Ты действительно влюбилась в меня?

Она резко, хрипло рассмеялась, отступила и вновь обвела взглядом квартиру, на этот раз изучая обстановку и скудное убранство. Жилище Памира было скромным — единственная комната всего-то сто на двадцать метров, стены, обшитые панелями из живого дерева, и потолок с изображением румяных вечерних небес какого-то случайного мира. Спокойным голосом женщина провозгласила:

— Я восхищаюсь твоими талантами, кем бы ты ни был.

— Моими талантами?

— Общения с чужаками.

Он промолчал.

— Эта переделка с удалцами... ты нашел элегантное решение трудной проблемы. Едва ли тебе известно, но тогда ты помог Кораблю и моему начальнику и таким образом заслужил мою благодарность.

— Чего же вы хотите от меня сегодня, мадам?

— Сегодня? Ничего. Но завтра — завтра рано утром, надеюсь, — будь любезен, примени свои таланты в одном небольшом деле, относительно простом. Ты знаком с джей'джелами?

Памир не дрогнул и ничем не выдал своей реакции, но ощутил жестокий пинок в сердце, а его отлично выдрессированная паранойя завопила: «Беги! Немедля!»

— Я обладаю некоторым опытом общения с этой расой, — сказал он. — Да, мадам.

— Рада это слышать, — отреагировала Миоцен.

Пребывая в бегах, Памир дважды подолгу жил среди джей'джелов. Очевидно, Первый Помощник знает гораздо больше о его прошлом, чем озвучила. Остается только предполагать, известна ли ей его жизнь только пять лиц назад, или она проникла на глубину шестидесяти трех лиц — опасно близко к тем дням, когда он постоянно носил капитанскую форму.

Она либо в курсе его настоящего имени, либо нет.

Памир обуздал паранойю, натянул на физиономию широкую ухмылку, небрежно пожал плечами и спокойным голосом осведомился:

— А почему я должен выполнять это твоё поручение?

— Моей просьбы недостаточно? — осведомилась Миоцен, холодно усмехнувшись.

Мужчина не разжал губ.

— Твои соседи не просили о помощи. Ты вмешался добровольно, пусть и тайно. — Кажется, она рассердилась, но не слишком удивилась. За омутами черных глаз угадывались производимые подсчеты. Помолчав, женщина прагматично сообщила: — Я не стану интересоваться твоим прошлым.

— Потому что ты уже сделала это, — предположил он.

— В определенной степени, — признала она. — Возможно, я заглянула чуть дальше, чем упомянула. Но я больше не стану использовать свои немалые ресурсы. Если ты мне поможешь.

— Нет, — отрезал Памир.

Женщина вздрогнула.

— Я вас не знаю, — солгал он. — Но, мадам, судя по вашей репутации, вы та еще сучка.

В любом веке — сколько раз Первый Помощник слышала брошенное ей прямо в лицо оскорбление? И все же долговязая женщина выдержала удар с честью и переключилась на вопрос оплаты, назвав сумму.

— Эти деньги будут перечислены на твой текущий счет. Пользуйся ими как сочтешь нужным, а когда закончишь, оставшееся богатство поможет тебе исчезнуть снова. Так, чтобы на этот раз тебя наверняка уже никто не нашел.

Она посулила целое состояние.

Но почему второе лицо корабля предлагает ему — нет, подвешивает перед ним, как перед ослом морковку, — такую награду? Памир взвесил идею инициации скрытых спусковых механизмов. Он активировал сеть и подключил батареи оружия. Теперь он мог бы временно убить Миоцен одной мыслью, выскользнуть из квартиры через один из трех потайных выходов и, если повезет, оторваться от преследования солдат. А через день, максимум через два, зажить новой жизнью на какой-нибудь другой маленькой авеню... а еще лучше — объединиться в одном из весьма обособленных местечек, где он заблаговременно устроил склады припасов...

А Миоцен снова призналась:

— Это вопрос конфиденциальный.

Другими словами, дело не имело отношения к официальным занятиям Первого Помощника.

Памир деактивировал оружие.

— Кто же удостоится моей помощи? — поинтересовался он.

— Один юноша, с которым ты должен встретиться, — ответила Миоцен. — Из джей'джелов, конечно.

— И я помогу ему?

— Думаю, нет, — фыркнула женщина.

По закрытой сети она скинула Памиру адрес. Район Откол — популярное место обитания многих рас, в том числе и джей'джелов.

— Чужак ждет тебя у себя дома, — сообщила Миоцен и добавила со свойственной ей холодной усмешкой: — В данный момент он лежит на полу задней комнаты, в высшей степени мертвый.

V

Каждый участок Великого Корабля носил по крайней мере одно полустершееся из памяти название, данное первопроходцами, в то время как населенные места имели порой до двадцати имен, поэтичных или грубых, простых или неправдоподобно замысловатых. В большинстве случаев обычный пассажир не помнил ни одного из этих ярлыков. Каждая авеню, пещера или маленькое море были по-своему замечательны, но, с учетом шквала новшеств, не многие отличались такой уникальностью, чтобы прославиться.

Откол составлял исключение.

По известным лишь им причинам создатели корабля соорудили трубу из зеркального гиперволокна и холодного базальта — огромную, абсолютно вертикальную шахту-туннель, начинающуюся неподалеку от бронированного носа корабля, пронзающую тысячи километров пространства. Откол испещряло множество авеню. Века назад корабельные инженеры выгравировали эти дороги на цилиндрической поверхности, обеспечив любопытных подробной картой. Экипаж корабля принялся возводить себе дома на бесконечной грани, и многие пассажиры последовали их примеру. Теперь на этом эффектной отрезке обитали миллионы. На борту Великого Корабля были места и популярнее, и — о чем еще можно поспорить — красивее, но ни в одном из них жители не позволяли себе такого снобизма.

— Мой дом в Отколе, — хвастались местные. — Приходите полюбоваться видом, если вдруг выдастся свободный месяцок или годик.

Но Памира вид не интересовал. Удостоверившись в отсутствии слежки, он проскользнул в квартиру джей'джела.

Млечный Путь, конечно, не крупнейшая во Вселенной галактика, но определенно самая изобильная. Эксперты предполагают наличие здесь трехсот миллионов миров, населенных разумными существами и обладающих развитой промышленностью. После боль-

шого всплеска естественных открытий стали очевидны некоторые закономерности. Преимуществом пользуются с полдюжины метаболических систем. Масса и состав тела планеты зачастую толкает эволюцию по одним и тем же неизбежным путям. Гуманоиды широко распространены; человеческие существа — юный пример древней схемы. Как и удалыцы, и глории, и аэбеки, и мнотисы, и шагалы.

Но даже самый неискушенный, самый неорганический глаз мог различить эти расы. Каждый гуманоид произрастал на своем древе жизни. Одни были гигантами, другие — крохами. Одни создавались для миров с жуткими условиями, другие выглядели хрупкими тростинками. Одни могли похвастаться густой шерстью, другие — ярким пушистым оперением. Даже в среде голых представителей рас — имитаций приматов процветало немислимое разнообразие рук и лиц. Усовершенствованные кости кричали: «У меня ничего общего с человеком!» В венах текла золотистая кровь, а структура ДНК доказывала инородность особи.

А еще существовали джей'джелы.

Они передвигались как люди, у них были совершенно человеческие лица и особенно — обычные зеленые глаза. Дневные существа, охотники-собиратели из мира, очень похожего на Землю, они странствовали по саваннам миллионы лет, пользуясь каменными орудиями труда, сделанными руками, которые на первый взгляд, да иногда и на второй тоже, ничем не отличались от человеческих.

Но сходство простиралось не только на внешность. Сердце джей'джела билось под губчатыми легкими, каждый вдох приподнимал грудную клетку из белых ребер, а унаследованная от предков кровь представляла собой солоноватую красную жидкость, смесь железа с белком, подобным гемоглобину. Фактически большинство их белков предательски походило на человеческие, как и почти вся цепочка ДНК.

Это противоречащее здравому смыслу сходство, мутация мутаций, объяснялось таким образом.

Общее происхождение — вот в чем все дело. Земляне и джей'джелы, должно быть, когда-то были соседями. Века и века назад в одном из миров эволюционировал простой, но выносливый микроорганизм. Столкновение с кометой выбросило в космос кусок живой планетарной коры с триллионом надежно «упакованных» спящих пассажиров. Катастрофа вышвырнула обломок из Солнечной системы. После нескольких световых лет ледяного забвения блуждающий ковчег врезался в атмосферу иного мира, и по крайней мере один микроб выжил, благополучно пожрал местную углеводородную пражизнь и завоевал новый ареал.

Раньше в галактике такое происходило частенько. По меньшей мере полдюжины планет делили с Землей биохимический

состав. Но только мир джей'джелов пошел по тому же эволюционному пути.

В сущности, джей'джелы были дальними родственниками землян.

И, по многим причинам, родственниками бедными.

Памир стоял над телом, изучая его расположение и состояние. Механизмы на паучьих ножках занимались тем же самым, шаря в трупе ультразвуком и рентгеновскими лучами, проводя скрупулезный анализ и делая точные выводы, которые машинки могут пока оставить при себе. Их хозяин, оперируя собственными глазами и инстинктами, справится сам, и не хуже, благодарю покорно.

Распростертый на полу мертвец вполне мог быть человеком мужского пола.

Обнаженный труп лежал на спине, ноги сведены, руки вскинуты над головой, ладони раскрыты, пальцы разведены. Кожа светло-коричневая. Волосы короткие, иссиня-черные. Бороды у джей'джелов не растут. Но волосы на теле могли быть человеческими — негустая поросль на груди вокруг сосков, уплотняющаяся в паховой области.

Гениталии в смерти съезжились и почти ушли в тело.

Ни одной отметины видно не было, и Памир догадывался, что перекасти он мертвеца, то и на спине трупа ран не обнаружит. Но мужчина мертв. Желая убедиться наверняка, Памир опустился на колени, вглядываясь в определенно человеческое лицо, и лишь слегка вздрогнул, когда узкие губы приоткрылись и легкие мертвеца втянули немного воздуха.

Памир тихонько рассмеялся.

Машины застыли, ожидая команды.

— Мозг тю-тю, — предположил он, прикоснулся левой рукой ко лбу лежащего и ощутил слабое тепло метаболизма впавшего в спячку существа. — Сконцентрированный плазменный разряд, что-то вроде того. Проел череп и поджарил душу.

Аппаратики покачивались взад-вперед на длинных лапках.

— Спорю, он уже шлак. Мозг. Да и тело местами обгорело. Наверняка.

Человек поднялся и внимательно оглядел спальню.

Рядом стоял костюм, дожидаясь, когда придет время одеть хозяина.

Памир отключил тряпки и расстелил их на полу рядом с трупом.

— Он потерял десять—двенадцать кило костей и мяса, — решил мужчина. — И стал ниже сантиметров на десять.

Убить бессмертного — непростое дело. Даже в подобных обстоятельствах, когда мозг превращен в никчемную массу биокерамики и бестолкового стекла, тело упорно продолжает цепляться за жизнь. Плоть исцеляет себя, до известных пределов. Подключается аварийно-защитная генетика, вновь сплетая первоначальное лицо, волосистой покров и туловище, придавая им достоверное подобие жизни. Но когда гены закончили трудиться, не нашлось разума, который слился бы с восстановленным, омоложенным телом. Так что труп джей'джела впал в стазис, и, если в квартиру никто не войдет, он так и будет лежать здесь, всасывая постепенно становящийся все более и более затхлым воздух, предоставив ленивому метаболизму пожирать плоть, пока не останется скелет, сморщенные органы и истощенное мумифицированное лицо.

А парень-то был красавчиком.

Независимо от расы он обладал тонкими, изящными чертами.

— Ну, что вы увидели? — спросил наконец Памир.

И механизмы заговорили, сыпля словами и цифрами. Сперва Памир слушал, потом перестал. Он снова думал о Миоцен, спрашивая себя, какого черта Первого Помощника заинтересовал этот ничем не примечательный персонаж.

— Кто он? — осведомился он уже не в первый раз.

Приведенная в действие сеть выложила последнюю, наиболее полную биографию. Данный джей'джел родился на борту корабля, его родители были достаточно богаты, чтобы позволить себе роскошь размножения. Состояние его семейство сделало в среде удальцов, что объясняло имя мертвеца. Се'лен — в обычаях удальцов называть себя в честь химических элементов. Был этот Се'лен юнцом, едва разменявшим пятую сотню лет, и его жизнеописание любовью показалось бы самым что ни на есть банальным.

Памир пялился на бесполезный труп, не зная, что делать дальше.

Потом он все-таки заставил себя обойти квартиру, не слишком превосходящую его собственное жилище по размерам, но вид из окон делал этот дом в двадцать раз дороже. Мебель могла принадлежать любой расе. Цветовая гамма тоже самая ordinaria. Нашлось тут несколько сотен книг — определенно характерная черта джей'джелов, — и Памир велел машине прочитать каждый том от корки до корки. Затем позволил своим механическим помощникам обшарить все закутки — чуланы, туалет, комнаты новые и комнаты старые, с приказанием составить опись каждой поверхности и каждого предмета, включая и взятие образцов пыли. Но пыли оказалось немного, значит, мертвец был либо исключительно аккуратен, либо кто-то заботливо смел все следы своего присутствия, в том числе и чешуйки отшелушившейся кожи, и случайно оброненные волосы.

— Что теперь?

Он задал вопрос себе, но ответили машины:

— Мы не знаем, что теперь, сэр.

И Памир опять застыл над дышащим трупом.

— Я ничего не вижу, — пожаловался он.

Тут мужчина представил себя со стороны и рассмеялся. Тихо. И коротко. Затем активировал маленький медицинский датчик, вживил его и послал в тело раздражающий заряд.

Мертвый пенис выполз из тела.

— Ха! — воскликнул Памир, отвернулся и покачал головой. — Придется снова обыскать все, и эту конуру, и жизнь этого дерьмового недотепы. Переворошим пылинку за пылинкой и день за днем, если потребуется.

V

Построенное на верхних отрогах Откола, нависающее над вечными облаками Малого Удела, заведение это представляло собой конгломерат естественных пещер и мелких туннелей. Собственно говоря, Вера Многих Соединившихся не была Церковью или святыней, хотя выросла на костях очень древней веры и теперь надежно обволакивала ее. Не являлась она и коммерческой организацией, хотя постоянный персонал получал порой и деньги, и вещи. И уж точно не была притоном — все соответствовало корабельным сводам законов. В этих стенах не происходило ничего сексуального, и никто, посвященный в тайны здания, никогда никому не отдавал своего тела за нечто столь банальное и грубое, как прибыль. Большинство пассажиров даже не подозревали о существовании этого места. А многие из тех, кто знал о здании, считали его усовершенствованным и очень странным молитвенным домом — придерживающиеся одних убеждений, одинаково мыслящие души входили в его массивные деревянные двери, чтобы завести друзей, а если получится, и влюбиться. Но капитаны, для того чтобы облегчить разрешение вопросов налогового законодательства, определили учреждению куда менее романтическое предназначение: оно было исключительно редкой вещью, к которой обращался древний мир людей.

А именно — библиотекой.

На Великом Корабле знания хранились на лазерных накопителях и в сверхпроводниковых элементах. Доступ к ним мог быть ограничен, но каждое слово и изображение находилось в зоне досягаемости внутренних сетей. Библиотеки были исключением. То, что содержалось в книгах, зачастую нигде больше не встречалось, что делало бумажные тома бесценными, и потому-то они и предо-

ставляли последователям Веры интимность, с которой трудно соперничать, и почти религиозную святость.

— Чем я могу вам помочь, сэра?

Памир стоял перед нагроможденными друг на друга полками, скрестив на груди руки, с напряженной яростью на лице.

— Ты кто?! — рявкнул он, даже не оглянувшись.

— Меня зовут Леон'ард.

— Я уже общался с другими.

— Знаю, сэра.

— Они подходили ко мне, один за другим. Но они не были достаточно компетентны. — Он наконец обернулся и уставился на заговорившего с ним. — Леон'ард, а ты достаточно компетентен, чтобы помочь мне?

— Надеюсь, сэра.

Джей'джел, в черном балахоне с лиловым отливом и с длинными голубыми волосами, собранными на затылке в простой хвостик, был чуть-чуть выше Памира. Глаза его ничем не отличались от человеческих зеленых глаз. Кожа — розовато-коричневая. По привычке джей'джелов он ходил босиком. Узкие стопы с пятью нервно постукивающими по полу пальцами тоже могли принадлежать обычному человеку. Слегка поклонившись, чужак заметил:

— Я главный библиотекарь, сэра. Я занимаю этот пост десять веков и еще восемьдесят восемь лет. Сэра.

Памир заблаговременно подогнал к ситуации лицо и одежду. Джей'джел видел перед собой офицера безопасности в форменном мундире, с личным жетоном на рукаве. Любой реестровый поиск определил бы его как человека достойного и обладающего определенным влиянием. Но маскировка была не только поверхностной. Скрещенные руки лишь чуть-чуть дрогнули и застыли. Новое лицо напряглось, так что глаза прищурились, имитируя вызывающий взгляд полицейского, а сжатые губы процедили:

— Я кое-кого ищу.

К чести своей, библиотекарь и глазом не моргнул.

— Мою жену, — продолжил Памир. — Я хочу знать, где она.

— Нет.

— Прошу прощения?

— Я знаю, чего вы желаете, но удовлетворить это желание не могу.

Пока они мерили друг друга взглядами, в комнату шагнула гигантская фигура. Заметив двух конфликтующих самцов, самка-удалец со смущением, совершенно не свойственным ее расе, попятилась и скрылась из виду.

Библиотекарь обратился по сети к своим коллегам.

Все двери, ведущие в это помещение, тихо и надежно закрылись.
— Слушай, — сказал Памир.

И замолчал.

Через несколько секунд заговорил джей'джел:

— Наш устав чист. Закон определен. Мы исправно, в надлежащем порядке предоставляем нашим клиентам уединение и перспективы. Без официального разрешения, сэр, вы не имеете права войти в это учреждение для получения сведений любого рода.

— Я ищущую свою жену, — повторил Памир.

— Я понимаю ваше...

— Заткнись! — рыкнул мужчина и развел руки. В правой оказался зажат маленький нелегальный плазменный резак. Памир прицелился в беспомощную мишень и произнес в последний раз: — Я ищущую свою жену.

— Не надо! — взмолился библиотекарь.

Оружие было направлено на выстроившиеся рядами тома. Малейшая вспышка испарит несчетное число бесценных страниц.

— Нет, — простонал Леон'ард, отчаянно пытаясь привести в действие подавляющие агрессию системы комнаты. Но сеть не отвечала. Так что джей'джелу осталось лишь повторить: — Нет.

— Я люблю ее, — заявил Памир.

— Понимаю.

— Понимаешь, что значит любить?

Леон'ард, казалось, оскорбился:

— Конечно, я понимаю...

— Или это должно быть чем-то безобразным и болезненным, чтобы ты смог постигнуть, хотя бы чуть-чуть, что значит быть влюбленным?

Джей'джел промолчал.

— Она исчезла, — пробормотал Памир.

— И вы полагаете, что она здесь?

— Да, наверняка.

Библиотекарь поспешно выстраивал стратегию. Зазвенела общая тревога, но двери, которые он запер из добрых побуждений, внезапно отказались открываться. Персонал и прочие помощники вполне могли быть на другом конце корабля. И если пришелец выстрелит, потребуются несколько секунд, чтобы наполнить комнату достаточным количеством азота и наркотических веществ — остановить пожар и обездвигить разъяренного человека. И эти секунды могут решить все.

Выбора у Леон'арда не было.

— Да, возможно, я в силах помочь вам.

Памир гаденько усмехнулся:

— Вот это другое дело.

- Если вы назовете имя своей жены...
- Едва ли она им воспользовалась, — предупредил он.
- Тогда покажите ее голограмму, пожалуйста.

Сердитый муж тряхнул головой:

- Она изменила внешность. По крайней мере один раз, а то и больше.
- Естественно.
- А может, и пол.

Библиотекарь проглотил очередное затруднение. Он не собирался давать незнакомцу то, чего тот требовал, но если потянуть время... до тех пор, пока отряд безопасности не ворвется сюда и не заберет коллегу...

- Вот, — сказал Памир, сливая небольшой файл.
- Что это?
- Ее близкий приятель, насколько я понимаю.

Леон'ард взглянул на картинку и приложенную биографию. Мягкие зеленые глаза, едва прочитав имя, сделались огромными — возможна ли реакция выразительнее? — и со вздохом, так похожим на человеческий, джей'джел признался:

- Я знаю этого мужчину.
- Неужто? — Человек протянул это короткое слово медленно, многозначительно.
- В каком смысле? Что-то не так?

— Да. Моя жена пропала. И этот дохлый кусок дерьма единственный, кто мог помочь мне отыскать ее. Кроме тебя, конечно.

Леон'рд попросил предъявить доказательства смерти изображенного на фотографии.

— Доказательства? — хохотнул Памир. — Может, мне стоит звякнуть моему боссу и сообщить ей, что я нашел усопшего джей'джела, и мы с тобой предоставим закону делать его важную, громогласную и весьма публичную работу?

Секунду спустя беззвучной командой библиотекарь отменил общую тревогу. Проблемы нет, соврал он и, слегка поклонившись, спросил:

- Все останется между нами, не так ли? Могу ли я доверять вам, сэр?
- Я выгляжу человеком, заслуживающим доверия?

Джей'джел ощетинился, но ничего не сказал. Он взглянул на полки в дальнем конце комнаты, решительно подошел к некоему тонкому томику, вытащил его, открыл, и изящные пальцы начали стремительно переворачивать страницы.

Грубо, точно уличный грабитель, Памир выхватил из рук библиотекаря добычу. Синяя обложка из мягкого дерева говорила о том, что объект описания еще относительный новичок в Вере.

Страницы были из пластика, тонкие, но плотные, и пестрели данными «текущего счета» мертвеца. За последнее столетие библиотекари встречались с Се'леном множество раз и заносили в журнал его неравномерный прогресс в их очень сложной вере. Аудиозаписи, извлеченные из личного дневника, позволили покойнику заговорить снова, разъясняя его точку зрения себе и каждому интересующемуся.

«Моя раса крохотна и развращена, — исповедовался Се'лен вполне человеческим голосом. — Каждая раса мала и грязна, и лишь вместе, спаявшись в полном согласии, мы можем создать достойное общество — Вселенную искренне объединившихся».

Несколько страниц содержали голограммы — застывшие, честные изображения религиозных обрядов, которые в большинстве галактик сочли бы омерзительными. Памир почти не задерживался на картинках. Он прекрасно представлял, что именно ищет, и ему очень помогало то, что лишь одна из жен джей'джела была человеком.

Разгадка обнаружилась на последних страницах. Памир уставился на изображение, глухо фыркнул, с отвращением покачал головой и объявил:

— Вот это она.

— Не может быть! — выпалил библиотекарь.

— Нет, может. Мужчина, как-никак, способен опознать собственную жену. Верно?

Леон'ард оскалил все зубы в ухмылке:

— Нет. Я отлично знаю эту женщину, и она не...

— Где ее книга?! — рявкнул Памир.

— Нет, — твердо заявил библиотекарь. — Поверьте, с этой особой вы не знакомы.

— Докажи.

Тишина.

— Как ее зовут?

Леон'ард расправил плечи, очень стараясь казаться храбрым.

Тогда Памир подвел плазменную горелку к полке, и над раскаленным стволем, прижатым к обложке красного дерева истинно верующего, за клубился дымок.

Журнал женщины хранился в другой комнате, глубоко в библиотеке. Леон'ард приказал доставить книгу и, пока Памир листал страницы, фиксируя большую часть данных в сетях памяти, стоял рядом. Только раз человек сказал:

— Надеюсь, ты позволишь мне позаимствовать кое-что.

Джей'джел вспыхнул и ответил дрожащим от ненависти голосом:

— Если вы попытаетесь забрать это, вам придется убить меня.

Памир подмигнул ему:

— Ты думаешь, я сам не догадаюсь? На твоём месте я бы не стал подкидывать своим врагам столь заманчивые идейки.

VI

Почему одни расы процветают, богатеют, растут числом и влиянием, в то время как другие, одаренные теми же возможностями, существующие в сотню раз дольше, ничего не значат для Галактики?

Ученые и фанатики веками мусолили этот вопрос.

Джей'джелы развивались в плодородном, теплом мире с голубыми морями, омывающими зеленые континенты, с землей, изобилующей железными рудами и углеводородами, с фланирующей по небу массивной луной, помогающей удерживать ось планеты под небольшим наклоном, достаточным, чтобы обеспечить повсюду умеренный, мягкий климат. Возможно, это богатство и сослужило джей'джелам плохую службу. Рожденные в мире победнее, люди вынуждены были жить крохотными, легко приспосабливающимися к условиям группками человек по двадцать, в которых каждый состоял в родстве с каждым — по крови или браку. А древние джей'джелы кочевали отрядами по сто и больше особей, что способствовало процветанию более толерантной политики в обществе. Гармония воспринималась как данность. Конфликты по возможности разрешались мирным путем: группа ничто не ценила так, как собственный, освященный веками покой. А когда естественный жизненный цикл растянулся на три столетия, изменения замедлились, все затруднения, даже внутрисемейные, стали решаться путем консенсуса. В случае же абсолютной необходимости молодые подчинялись воле старейшин.

Но причуды природы — лишь одно объяснение будущего. Многие великие расы развивались неторопливо. Некоторые из наиболее известных, вроде риткеров или удальцов, все еще строго блюдут стародавние традиции. Даже люди не избежали этого прискорбного свойства: люди внимали мудрости почивших греков и забытых иудеев еще долго после того, как их слова утратили первоначальную ценность и перестали приносить пользу. Но джей'джелы носились со своими предками и их ветхими мыслями еще пуще. Для них прошлое было сокровищем, и терпеливые машины помнили малейшие перипетии ранних цивилизаций, все неверные повороты и все тихие успехи.

После пары тысяч веков кремния и железа люди шагнули в космос, а джей'джелам потребовались миллионы лет, чтобы изобрести оправдание для такого рода авантюры.

И им убийственно не повезло.

В Солнечной системе джей'джелов вращались богатые металлами миры и изобилующие водой луны, а соседние солнца выpestовали звезды класса G, где возник и развился превосходный разум. Пока джей'джелы сидели дома, благополучно заучивая речи давно покойных королев, три различные инопланетные расы колонизировали их внешние миры — проигнорировав галактический закон и древние соглашения.

В небесах над головами ничего не подозревающих джей'джелов кипели великие войны.

Победителями вышли крошечные существа, привычные к низкой гравитации и экзотическим технологиям, — к'мэлы, создания кибернетические, быстроживущие, подверженные прихотям, капризам и внезапным судорожным сменам правительств. К тому времени, как джей'джелы запустили свою первую ракету, к'мэлы намного превосходили их числом — в их же собственной Солнечной системе. Этот момент истории выглядел позорным даже миллионы лет спустя. Ракета джей'джелов пошла по низкой орбите, а навстречу ей с баз на обратной стороне луны поднялся флот к'мэлов. Реактивный летательный аппарат был уничтожен, а джей'джелы внезапно из хозяев рая превратились в безвестных существ, запертых на поверхности своего маленького мирка.

Начинались и заканчивались победой войны.

Устанавливался и рушился мир, и новые войны оборачивались поражением.

Проигравшие не становились рабами, даже в худшие периоды долгой Тьмы. И к'мэлы не были подлыми тиранами или тупыми бюрократами. Но постепенный упадок лишил мир джей'джелов богатства. Рождаемость снизилась. Граждане переселялись, вынужденные на скверных условиях создавать богатства для других рас. Оставшиеся дома жили на стремительно скудеющей земле, разрабатывая глубокие мантийные шахты и управляя гигантскими рельсотронами, забрасывающими кости обнищавшего мира в чужое пространство.

Люди, себе на радость, истребляли мамонтов в Азии — а джей'джелы уже стали пришедшей в упадок расой, распыленной тонким слоем по сотне миров. Другая раса давно утратила бы свою культуру и, удайся ей выжить, расщепилась на дюжину различных, абсолютно ничем не примечательных наций. Но джей'джелы проявили одно выдающееся свойство: невзирая ни на какие напасти, они ухитрялись держаться своего общего прошлого, прекрасного или ужасного; вот так вот, тихо и скромно, а потом погромче и поразвязнее, они приспособились к своему существованию в широченном ареале.

VII

— Тебе еще кое-кто поможет, — пообещала Миоцен и больше ничего не сказала.

Она знала, что мертвый джей'джел приведет его в библиотеку, и должна была знать, что он достаточно догадлив, чтобы сообразить, что суть дела в женщине. Памир совершенно не представлял, почему Первого Помощника заботит жизнь какой-то невзрачной пассажирки. Или, скорее, представлял слишком хорошо, составляя длинные списки мотивов, вполне разумных и одновременно вопиюще неверных.

Человеческую особь звали Розеллой — и звали ее так с тех пор, как она родилась два века назад. Если только она не старше, а ее биография — не мастерски подобранная коллекция вдохновенного вранья.

Как и большинство клиентов библиотеки, она проживала в Отколе, но выделялась даже в этой компании богатеев. Ее состояние подпитывали не один, а два доверительных фонда. Отец женщины эмигрировал в колониальный мир еще до ее рождения, переписав на имя дочери свои местные ценные вклады. Мать — заслуженный член дипломатического корпуса — погибла в злополучной Хаккалинской миссии. В сущности, Розелла была сиротой. Но, судя по многочисленным признакам, она не слишком страдала. Бежали десятилетия, а она казалась счастливой, ничем не примечательной, богатой и безмятежной — больше ничего об этой персоне Памир сказать не мог.

Как там говорят старики-удальцы?

«Нет ничего грандиознее Вселенной, но она и вполтину не так велика, как чувствительный, одаренный воображением разум».

Некоторое время назад молодая женщина начала меняться.

Как большинство юных совершеннолетних, Розелла рано дала обет безбрачия. Если впереди миллионы лет жизни, кто будет торопиться с сексом и любовью, разочарованиями и разбитыми сердцами? У нее имелись друзья-люди, но благодаря дипломатическим корням матери женщина водила знакомство и с чужаками. Несколько лет ее ближайшими приятелями была пара янусиан — двойных организмов, где самец являлся паразитом, внедрившимся в спину своей супруги. Затем круг ее инопланетных друзей расширился... что выглядело совершенно нормальным. Памир обшарил архивы забытых камер слежения и любительских записей, где мелькали магазинные и обеденные «авантюры» объекта в компании представителей иных рас, в основном — кислорододышащих, традиционных союзников людей. Затем — роскошный круиз по

цепи маленьких океанов, раскиданных по всему пространству Великого Корабля, — короткий вояж, завершившийся посреди облета Млечного Пути. Здесь, в конце этого безопаснейшего путешествия, дрейфуя по тускло-холодному, гладкому, как кожа, метановому морю, она встретила своего первого любовника.

Который оказался джей'джелом.

На пленках скрытых камер Памир увидел достаточно, чтобы заполнить пробелы.

Кре'ллан, неправдоподобно богатый индивидуум, очень древний адепт Веры, лелеющей конфиденциальность, щеголял своей посвященностью. Искусные хирурги придали его пенису нужную форму. Все, примкнувшие к Многим Соединившимся, перенесли подобную косметическую операцию; единый кодекс касался обоих полов, а если пол отсутствовал, то создавался специально. За свою долгую жизнь Кре'ллан сочетался браком с сотнями, если не тысячами чужеземок, а той промозглой ночью ухитрился соблазнить юную девственницу-человека.

После круиза Розелла попыталась вернуться к прежней жизни, но уже через три дня посетила библиотеку, а через неделю сама подверглась физической модификации.

Памир заметил в ее журнале кадры операции — автоврачи и джей'джелы-наблюдатели обступили тонкое бледное тело. И теперь, закрыв глаза, сосредоточившись на скрытых резервных данных, он медленно и осторожно переворачивал другие страницы этих детальных, но по-прежнему неполных записей.

После года послушничества Розелла купила каменно-гиперфибровый прямоугольник в пятидесяти километрах под библиотекой, на котором возвела роскошные глубокие апартаменты, набитые шикарными комнатами и просторными покоями, рассчитанными на потребности практически любой биологии. Однако, хотя системы искусственного климата и жизнеобеспечения — штуки полезные, порой эти прихотливые механизмы не стыкуются друг с другом и, если знать, куда надавить, вполне могут и вовсе выйти из строя.

— Серьезная проблема, сэр?

— Только не для меня, — буркнул Памир. — И не для тебя, полагаю. Но если ты зависишь от пероксидов, как все оолупы, то воздух скоро покажется тебе кисловатым. А после нескольких вдохов ты наверняка потеряешь сознание.

— Понимаю, — сказали апартаменты.

Памир стоял во вспомогательном вестибюле, в своем обычном грубоватом лице, прочной фуфайке и с негнущейся спиной пожизненного техника.

— Интересно, получится ли найти неполадку. Наверное, дело в энергетическом фильтре, или в сигнальной цепи, или где-то пробой, или черт знает что.

— Делайте все, что необходимо, — ответил мягкий мужской голос.

— Да, спасибо за предоставленную возможность, — добавил Памир. — Я ценю новые дела.

— Конечно, сэр. Вам спасибо.

Ремонтирующая апартаменты фирма была сейчас закрыта из-за бюрократической войны со Службой окружающей среды. ИИ в поиске доступных кандидатов склонился к наилучшему. Памир выпустил рой деловито гудящих аппаратиков, тут же исчезнувших в стенах, и продолжил шагать по коридору, пока не оказался у маленькой запертой двери.

— Что здесь?

— Жилые покои.

— Для человека?

— Да, сэр.

Памир отступил.

— Я не хочу никого тревожить.

— Вы и не потревожите. — Замок щелкнул. — Моя хозяйка требует, чтобы ее дом был готов для любого гостя. Ваша работа важнее всего.

Памир кивнул и шагнул в узкий проем.

Первое, что пришло ему в голову, — что даже капитаны не живут с таким комфортом. Комната была огромна и все же некоторым образом интимна, устлана настоящими мехами, заставлена сокровищами искусства, ожидающими восхищения созерцателей, пышные кресла щедро предлагали себя любым телам, и добавок, как завершающий штрих, по крайней мере пятьдесят замысловатых игр лежали на длинных стойках: фигурки сами играли друг с другом до победы, а потом начинали партию заново. Здесь даже воздух, очищенный и профильтрованный, благоухающий духами и феромонами, отдавал богатством. И в этой упоительной атмосфере трепетал единственный тихий и четкий звук — далекое пение чужеземного цветка.

Льянос vibra.

Памир посматривал на мониторы и говорил по сети, не делая ровным счетом ничего существенного. Он уже добился всего, чего хотел. Пригоршня устройств, ловкость рук — и апартаменты напичканы потайными ушами и глазами. Все остальное — для собственного развлечения и правдоподобия.

За высоченной алмазной стеной немислимой спальни парили в воздухе пять гектаров скромного патио. Ухоженные побеги льянос

вибра покачивались в цветочном горшке, и музыка их вливалась в единственную открытую дверь. Рядом, ничего не делая, сидела молодая женщина. Секунду Памир разглядывал Розеллу, а потом она подняла голову и посмотрела в его сторону. Мужчина попытался определить для себя, что же он видит. Одетая, но босая, женщина была поразительно мила, но по-своему, каким-то странным манером, которому не получалось подобрать определения. Ее бледная кожа светилась сама собой, поглощая рассеянный свет и возвращая миру мягкое сияние. Концы густых серебристо-белых волос неожиданно оказались угольно-черными. Лицо женщины было девически гладким, с крохотным носиком, блекло-голубыми близко посаженными глазами, большим ртом, пухлыми губами — изысканное и исключительно грустное лицо.

Именно грусть и делает ее неотразимой, решил Памир.

Поймав себя на том, что по-прежнему торчит у двери, пялясь на хозяйку дома, мужчина понял, что ее печаль и его реакция не так уж просты.

Розелла взглянула на него во второй раз.

Спустя секунду апартаменты поинтересовались:

— Эта леди представляет технический интерес, сэр?
— Естественно. — Памир рассмеялся и отступил от прозрачной стены.

— Вы нашли проблему? Она желает знать.

— Да, две. Сейчас все исправлено.

— Отлично. Благодарю.

Памир собирался осведомиться об оплате. Ремесленники всегда говорят о деньгах. Но тут раздался звук — тонкий мелодичный визг развертывающегося троса. Механический стон быстро заглух, и наступила тишина.

Апартаменты прервали беседу.

— Что?.. — начал Памир. Затем обернулся.

Женщина была уже не одна. Вторая фигура в одежде скалолаза мчалась через дворик к Розелле. Это был человек или джейджел, вроде бы мужского пола. С того места, где стоял Памир, он не мог утверждать что-то наверняка, но видел стремительность незнакомца и его правую руку, сжимающую что-то, что могло быть оружием, так что секунду спустя Памир тоже побежал, прыгнув в дверной проем в тот момент, когда чужак приблизился к женщине.

Розелла смотрела на пришельца.

— Мне незнакомо его лицо! — криком предостерегли хозяйку апартаменты. — Миледи...

Вялость покинула тело женщины. Розелла вскочила и сделала два шага назад, но потом, видимо, решила драться, с чем Памир не мог не согласиться. Она вскинула руки, снова опусти-

ла их и застыла в стойке, слегка побледнев, словно ее выживание сейчас зависело от глубинных скрытых инстинктов.

Незнакомец левой рукой потянулся к ее шее.

Неуловимым точным движением женщина перехватила ладонь незваного гостя и заломила его кисть. Но инерция бегущего сбила ее с ног, и оба они упали на полированный опаловый пол патио.

В правой руке мужчины блеснул нож.

Одним ударом чужак вонзил клинок в грудь женщины, целясь в сердце. Он действовал решительно, аккуратно, хотя, возможно, и на глазок, стараясь добиться чего-то определенного, а когда жертва задергалась, сопротивляясь, мужчина хлестнул ее по лицу тыльной стороной свободной руки.

Нож погрузился глубже.

Тихий, удовлетворенный стон слетел с губ убийцы, как будто успех был близок, и тут ботинок Памира обрушился на улыбающийся рот.

Незнакомец оказался человеком — разъяренным человеком.

Он взвился, отразив следующие три удара, затем рука его метнулась за спину, выхватила маленький электромагнитный пистолет и, почти не целясь, выпустила дюжину сверхзвуковых зарядов.

Памир рухнул, раненный в плечо и в руку.

Женщина лежала между ними, истекая кровью. Из груди ее торчала рукоять ножа, часть не скрывшегося в теле гиперфибрового лезвия сверкала, отбрасывая рубиновые лучи — отражение крови.

Здоровой рукой Памир стиснул черенок и потянул на себя.

Тоненько звякнул дармионский кристалл, выпавший из тела раненой вместе с кинжалом. Вот что нужно было вору. Незнакомец заметил блеск граненого ромба и не смог противиться тяге схватить добычу. До кругленькой суммы — целого состояния — было рукой подать, но тут собственный нож рассек его предплечье, и вор завопил от боли и гнева.

Памир ударил дважды.

Компактная пушка взметнулась и выстрелила — раз, еще два и еще два.

Тело Памира умирало, но у него еще хватило концентрации и силы поднять мужчину — громилу с короткими конечностями и, кажется, нескончаемым запасом крови. Бывший капитан продолжал наносить удары ножом, и в какой-то момент его противник уронил пистолет и теперь отбивался кулаками и локтями. Когда же вор попытался лягнуть Памира, тот поймал поднымавшееся колено незнакомца и, воспользовавшись инерцией чужого движения и последними каплями собственной энергии, пихнул вора к дубовым перилам, после чего, мучительно вдохнув, перекинул его через край.

На ногах остался один Памир.

Воистину отсюда открывался прекрасный вид. С распоротой грудью, с тысячами аварийных генов, велящих телу отдохнуть, он смотрел на просторы Откола. Тридцать километров, залитые светом множества ярких, как солнце, огней, вершина инженерного мастерства, а может, и просто шедевр искусства. Бесчисленные авеню, вливающиеся в Откол, часто несли воду и прочие жидкости, и капитаны-инженеры разработали систему аэорек — алмазных труб, сплетающихся в клубок колец и спиралей, и маленьких озер, при помощи невидимых устройств парящих в пространстве. А еще тут всегда летали существа органические и неорганические, живые и не живые, — наполняя воздух напевным гудением миллионов радостных голосов, и стены устилала леса грибков-эктопаразитов, и влажный ветерок не стихал шестьдесят тысяч лет — и Памир забыл, зачем он стоит здесь. Что это за место? Обернувшись, он обнаружил прекрасную женщину с ужасной раной в груди, просящую его сесть. «Пожалуйста. Садитесь. Сэр, — говорила она, — пожалуйста, пожалуйста, вам нужно отдохнуть».

VIII

Вера Многих Соединившихся.

Вопрос, где она появилась впервые, веками оставался предметом разногласий. Несколько разбросанных по космосу солнечных систем выглядели подходящими кандидатами, но ни один эксперт не решался утверждать что-то наверняка. Так же как ни один пророк или извращенец не приписывал себе чести основания этой квазирелигии. Но некоторые джей'джелы полагали, что каждая разумная душа равноценна. Тела — всего лишь фасады, особенности метаболизма — мелкие детали, а социальные системы рождаются точно так же, как жизни индивидуумов, в соответствии с личным выбором, прихотями и спорным чувством справедливости. Значение имеют только души во всех этих странных оболочках. А мудрая душа желает сдружиться с субъектами из разных слоев пространства и времени и, если возможно, полюбить их, слить сущности воедино посредством древних наслаждений плоти.

Итак, пророка не существовало, и Вера не имела места рождения, что для истинных верующих было проблемой. Как могла такая сложная, многогранная вера вырасти одновременно в нескольких удаленных друг от друга местах? Но недостаток может оказаться и благословением. Совершенно ясно, что священный механизм перевернул Вселенную, и эта сплоченность лишь доказывала послушникам, как правильна и непререкаема их ре-

лигия. Разве что Вера была естественным отростком природы джей'джелов: общительные расы перебрасываются через пространство, дома принадлежат тем, кто могущественнее, а игра «стань любовником того, кто велик» так же неизбежна и обыкновенна, как хождение босиком на своих двоих.

Памир придерживался общепринятого мнения.

Секунду он рассматривал собственные босые ступни, затем вздохнул и принялся изучать руку, плечо и грудь. Раны уже зажили, не оставив на коже и рубца, внутренние органы быстро возвращались в идеальное состояние. Он уже достаточно оправился, чтобы сидеть, но вместо этого лежал в мягком шезлонге на свежем воздухе патио, слушая песнь льянос vibra. Он был один, алмазная стена спальни стала черной и непрозрачной. Некоторое время мужчина размышлял о вещах очевидных, а затем принялся перебирать изощренные варианты, проистекающие из очевидного.

Вор — зарегистрированный уголовник с длиннющим послужным списком — падал несколько километров, прежде чем регулярный патруль безопасности заметил его и выудил из неба, пока негодяй не испортил день еще кому-нибудь.

Неудачника арестовали, и пару веков он теперь проведет в тюрьме, отвечая за последнее преступление.

— Вот дерьмо, — пробормотал Памир.

— Сэр? — заговорили апартаменты. — Что случилось? Могу ли я чем-то помочь?

Памир взвесил предложение и ответил:

— Нет.

Потом сел и сказал:

— Одежда.

Форма техника окутала его. Дырки в ткани тоже стянулись, хотя и не так качественно, как на теле. Пару секунд он рассматривал бурую коросту засохшей крови.

— Ботинки?

— Под шезлонгом, сэр.

Памир вытянул ноги — и в этот момент в спальню вошла она.

— Я должна поблагодарить тебя, — заявила Розелла, высокая и как-то обыденно элегантная в длинном сером халате и босиком. Выглядела она прелестной, но грустной, и при ближайшем рассмотрении становилось ясно, что печаль женщины вызвана не только сегодняшним днем. — За все, что ты сделал, — спасибо.

От нескончаемого потока слез глаза ее распухли и покраснели.

Мужчина смотрел на женщину, а женщина на мужчину. Секунду ему казалось, что она ничего не видит. Затем Розелла вроде бы осознала внимание гостя и, вздрогнув, сказала:

— Оставайся сколько тебе угодно. Мой дом накормит тебя, и, если хочешь, можешь взять все, что тебя заинтересует. На память...

— Где кристалл? — перебил ее Памир.

Она прикоснулась к ложбинке между грудей. Дармион вернулся домой, угнездившись возле стойкого сердца. Полдюжины рас верили, что кристалл дарует своему владельцу острую любовь к жизни и бесконечную радость, — только вид этой погруженной в депрессию женщины опровергал досужие вымыслы.

— Мне не нужен твой камешек, — буркнул он.

Женщина явно не обрадовалась и не испытала облегчения. Кивнув, она в последний раз сказала:

— Спасибо, — намереваясь завершить беседу.

— Тебе необходима более надежная система безопасности, — заметил Памир.

— Возможно, — равнодушно согласилась она.

— Как тебя зовут?

— Розелла, — уронила она, а потом добавила фамилию. Человеческие имена длинные, сложны и громоздки. Но она произнесла все, не запнувшись, после чего посмотрела на мужчину совсем иначе. — А как мне называть тебя?

Он воспользовался именем своей последней личности.

— Ты знаком с системами безопасности? — спросила Розелла.

— Лучше многих.

Она кивнула.

— Хочешь, чтобы я занялся твоей?

Вопрос позабавил женщину. На молочно-бледном лице расцвела улыбка, на мгновение показался острый розовый кончик языка.

— Нет, не моей. — Словно он и сам должен был догадаться. — У меня есть добрый друг... добрый старый друг... которого мучают страхи...

— Он в состоянии заплатить?

— Заплатчу я. Скажешь ему, это мой подарок.

— И кто же этот озабоченный парень?

— Галлий, — ответила она на иноземном языке.

Искренне удивленный, Памир осведомился:

— Чем же, черт побери, занимается этот удалец, если признался, что он боится?

Розелла благодарно кивнула.

— Он ни в чем не признался, — сказала она и улыбнулась снова... на этот раз теплее. Соблазнительно и нежно, даже очаровательно, и образ прекрасного, озаренного улыбкой лица еще долго не покидал Памира после того, как он вышел из апартаментов и отправился к месту следующей работы.

IX

Удалец, конечно, оказался великаном метра три ростом, грузным и бронированным, громогласным и одновременно необычайно невозмутимым, заикленным на своей безбрежной отваге и откровенно врущим в глаза. Его дом, втиснувшийся между другими на одной из мелких авеню, находился рядом с Отколом. Стоя за своей последней дверью — глыбой укрепленного гиперфиброй алмаза, — он совершенно человеческим жестом отмахнулся от незваного посетителя.

— Мне не нужно никаких милостей, — заявил он, выплевывая слова из дыхательного рта. — Я в полной безопасности, как и любой другой житель Корабля, и в дюжину раз компетентнее тебя, если дело дойдет до защиты. — И с вульгарной грубостью он смачно рыгнул жевательным ртом.

— Забавно, — заметил Памир. — Одна женщина пожелалакупить мои услуги, а ты Галлий, ее добрый старый друг. Правильно?

— А как зовут женщину?

— Что? Ты что, не слушал меня?

— Ты утверждаешь, что ее имя Розелла. — Удалец изобразил глубокую сосредоточенность, после чего, как-то уж слишком уверенно, отрезал: — Эту самку приматов я не знаю.

— Неужели? — Памир покачал головой. — Но она тебя знает.

— Она ошиблась.

— Тогда с чего ты взял, что она человек? Я этого не упоминал.

Огромные черные глаза злобно сверкнули.

— Ты на что намекаешь, мартышка?

Памир рассмеялся:

— А ты сам не догадываешься?

— Ты меня оскорбил?

— Точно.

Между собеседниками повисло тяжелое молчание.

Кулаком, лишь чуть-чуть превосходящим размером меньшую из костяшек пальцев чужака, Памир постучал в алмазную дверь.

— Я оскорбил тебя и твоих предков. Вот. По корабельному кодексу и вашим малоприятным обычаям теперь ты вправе выйти на открытое пространство и отколошматить меня так, чтобы я умер на целую неделю.

Гигант яростно тряхнул головой — и все. Один рот растянулся, жадно и подолгу втягивая воздух, другой собрался в крошечную впадинку — удалец балансировал на грани чистейшего мстительного гнева. Но Галлий страшным усилием воли взял себя в руки и, когда злость его наконец начала угасать, дал неслыш-

ный сигнал, повинувшись которому две внешние двери упали и наглухо закрылись.

Памир посмотрел налево, потом направо. Хорошо освещенная узкая авеню была пуста и, судя по всему, безопасна.

И все же великана, несомненно, обьял ужас.

Буквально перед визитом Памир еще раз пролистал журнал Розеллы. Среди ее мужей наличествовали два удальца. В записях не упоминалось ни одного полезного имени, но было очевидно, что один из этих мужей — Галлий. Вранье насчет своих страхов в характере этой расы. Но как мог подтвержденный практикующий адепт столь исключительной веры отрицать, что он вообще когда-либо встречался с женщиной?

Значит, необходимо отыскать других мужей.

Перед Памиром лежали сотни разных путей. Но как любят говорить удальцы: «Кратчайшее расстояние — это расстояние между соприкасающимися точками».

Система безопасности Галлия была обычной, ячеистой, с тысячелетним опытом применения, и Памиру потребовалось меньше дня, чтобы взломать коды и войти в передние двери.

— Кто со мной? — крикнули из дальней комнаты.

Что любопытно — по-джей'джельски.

Затем:

— Кто там?

По-человечески.

И наконец, словно запоздало сообразив, на собственном языке:

— Ты в моем доме, и тебе не рады. Но я прощу тебя, если ты немедленно уберешься.

— Розелла против того, чтобы я убирался, — откликнулся Памир.

Последняя комната представляла собой небольшую крепость, обитую пластинами первосортной гиперфибры и щетинящуюся оружием, как легальным, так и не очень. Два ускорителя плазмы следили за поворотами головы Памира, готовые если и не убить, то вышибить из него разум. Поперек горла встал комок, но человек проглотил страх и небрежно поинтересовался:

— Так вот где ты живешь теперь? В маленькой комнатенке на дне уродливого дома?

— Тебе нравится оскорблять, — буркнул удалец.

— Скрашивает время, — хмыкнул мужчина.

— Я вижу незаконное оружие, — заявил из-за гиперфибры Галлий.

— У тебя отличное зрение, оно ведь как раз при мне.

— Если попытаешься причинить мне вред, я убью тебя. И разрушу твой разум. Тебя больше не будет.

— Понятно, — сказал Памир.

И сел — жест повиновения едва ли не в каждом мире. Он сел на квазикристаллические плитки в светлой прихожей и принялся разглядывать портреты на ближайших стенах. Удалыцы минувших веков застыли в вызывающих позах. Предки, вероятно. Достойные представители обоих полов, вззирающие на своего трусливого потомка с откровенным презрением.

Подождав несколько секунд, Памир сообщил:

— Я вынимаю пистолет.

— Брось его к двери.

Плазменная пушка была встречена уважительным молчанием. Оружие скользнуло по полу, ударилось о стену, остановилось, и тут же складная механическая рука накрыла пистолет гиперфибровым колпаком, снабженным пирозарядом, задача которого — уничтожить всякого, кто попытается вытащить оружие.

Гиперволоконная дверь поднялась.

Галлий занимал полкомнаты. Удалец стоял в центре чулана, битком набитого припасами, глядел на Памира, и бронированные пластины его тела подрагивали, изгибаясь и выставляя наружу острые края.

— Тебе, должно быть, очень нужна эта работа, — заметил он.

— За исключением того, что это не работа, — отозвался Памир. — Честно говоря, я что-то потерял интерес к данному предприятию.

Сконфуженный удалец воспрянул:

— Тогда зачем ты влез в неприятности?

— Что тебе нужно, — заявил Памир, — так это маленькая многозарядная плазменная пушка. Славное оружие, лучше его нет.

— Они нелегалны, их сложно достать, — возразил Галлий.

— Твой ускоритель тоже вне закона. — И здесь имелась алмазная дверь, укрепленная сеткой гиперволокон. — Но спорю, ты отлично понимаешь, что формованная плазма может сделать с живым сознанием.

Тишина.

— Смешно, — продолжил Памир. — Не так давно я нашел труп, наткнувшийся именно на такое оружие.

Спина чужака уже распрямилась до предела, да и бронированные пластины выгнулись максимально. Тихим, почти умоляющим, голосом Галлий спросил человека:

— И кто труп?

— Се'лен.

И снова молчание.

— Кто еще погиб таким образом? — поинтересовался Памир. Это было предположение, но не только. Не дождавшись ответа, он добавил: — Ты никогда не был так напуган. За всю свою долгую, бурную жизнь ты никогда не сталкивался с таким грызущим изнутри страхом. Я прав?

Плечи великана поникли.

Жалкий тонкий голос проскулил:

— С каждым днем мне все страшнее.

— Почему?

Удалец на миг уронил голову.

— Почему тебе все страшней и страшнее?

— Уже семеро наших...

— Семеро?

— Сгинули. — Человеческое отчаяние прозвучало в этом единственном слове. — Восемь, если то, что ты сказал о джей'джеле, правда.

— Восемь кого? — переспросил Памир.

Галлий промолчал.

— Я знаю, кто ты, — продолжил тогда человек. — Восемь мужей Розеллы — и ты. Верно?

— Ее бывших мужей, — поправил чужак.

— А как насчет нынешних любовников?..

— Их нет.

— Нет?

— Она дала обет безбрачия, — с глубокой тоской промычал гигант и опустил взгляд. — Когда мы начали умирать, она оставила нас. Физически и юридически.

Галлию не хватало его жены-человека, это выдавали и осанка, и голос, и дрожание огромной руки, потянувшейся к холодной грани алмаза.

— Она пытается спасти нас. Но не знает как...

Внезапно о кристалл ударился плазменный шар. Размером не больше человеческого сердца, раскаленный сгусток испарил алмаз, и руку, и печальное лицо, и все, что скрывалось за темными, исполненными одиночества глазами.

Х

Памир не увидел ничего, кроме вспышки, а потом ударная волна сбила его с ног. Мгновение он лежал неподвижно. Тесный проход заполнило облако атомов углерода и распавшейся плоти. Человек вслушивался и не слышал ни звука. По крайней мере на несколько секунд он оказался полностью оглушен. Памир пополз и остановился, лишь когда путь ему преградила стена. Он

втянул кипящий воздух, ошпаривший легкие, и буквально окаменел, дожидаясь второго взрыва.

Но ничего не произошло.

Почти прижав рот к полу, Памир глотнул горячего, но пригодного для дыхания воздуха. Облако истончалось. Слух постепенно возвращался в сопровождении беспрестанного жужжания на высокой ноте. В поле зрения выплыла фигура, высокая и грозная, — удалец, вероятно один из славных предков мертвеца. Мужчина вспомнил, что стены коридора были увешаны портретами. Затем Памир увидел второй силуэт, потом третий. Он попытался вспомнить, сколько должно быть картин... потому что сейчас он разглядел четвертую фигуру, показавшуюся ему лишней...

Плазменное оружие выстрелило снова, но оно еще не успело накопить убийственный заряд, так что вся фантастическая энергия ушла на световые эффекты и порыв обжигающего ветра.

И опять в воздухе закрубились пыль и частицы свернувшейся крови.

Памир вскочил и попятился.

Галлий превратился в практически безголовый, распластавшийся на полу труп, громадный даже в изувеченном виде. Маленькая комната, перегороженная телом, стала совсем крохотной. Со смертью владельца рельсовые пушки-ускорители переключились в режим диагностики, и на то, чтобы разбудить их, ушли бы минуты, а то и дни. Измочаленная алмазная дверь уже ни на что не годилась. Когда туча снова рассеется, Памир окажется на виду и наверняка будет убит.

Как и Галлий, он в первую очередь воспользовался языком джей'джелов.

— Привет! — крикнул человек.

Внешняя дверь стояла открытая и пока нетронутая, только что толку от тупого механизма, чувствительного лишь к прикосновению знакомой руки? Вглядываясь в проем, Памир снова завопил:

— Привет!

Далекая фигура начала рассасываться.

— Я мертвец! — продолжил Памир. — Ты поймал меня в ловушку, приятель.

Тишина.

— Делай что хочешь, только мне, прежде чем поджариться, хотелось бы знать, что происходит.

Силуэт вроде бы заструился в одну сторону, потом вернулся.

Памир с усилием оторвал от пола одну из рук мертвеца и приладил широкую ладонь к стене возле дверного запора. Однако он понимал, что это еще цветочки.

— Ты умная душа. Позволь человеку открыть для тебя путь, — предложил он. — Я перехитрю защиту удальца, и тогда бери нас обоих.

Сколько времени уходит на перезарядку?

Наверное, несколько секунд.

Труп внезапно дернулся, и рука с глухим стуком упала.

— Дерьмо, — выдохнул Памир.

На высокой полке лежала пластина, маленькая, но плотная, как железо. Он схватил ее, покрутил для разминки запястьем и окликнул чужака снова:

— Хорошо бы, ты рассказал мне, в чем дело. Потому что я понятия не имею.

Ничего.

Тогда Памир рывкнул по-человечески:

— Кто ты, черт побери?!

Пыль улеглась, открыв двуногий силуэт, стоящий метрах в десяти от мужчины.

Плюхнувшись на колени, Памир снова стиснул руку трупа. Аварийные гены и мышечная память тела сопротивлялись, так что человек аж закричал, подтаскивая ладонь удальца к щеколде. Затем, перебарывая силу великана, Памир всем своим весом налег на руку Галлия, удерживая ее на месте, и постоял так немного, отдуваясь. Потом схватил левой рукой тяжелую пластину и придушенно крикнул:

— Даю последний шанс объяснить!

Двуногий начал наводить на жертву ствол.

— Ну, тогда пока-пока.

Памир метнул железку, целясь в мишень, отстоящую от него меньше чем на три метра. И в ту же секунду отпустил руку мертвеца, роняя ее на замок. Пласт гиперфибры соскользнул с потолка, и последняя дверь закрылась. Она выдержит два-три разряда плазменной пушки, но в конце концов и ее неизбежно разьест. Вот почему он бросил пластинку на пол: та покатилась и звонко ударилась о край колпака, накрывшего его оружие.

Раздался резкий грохот.

Оставшуюся дверь заклинило взрывной волной. Следующие двадцать минут Памир потратил на то, чтобы с помощью руки трупа и прочих подпорок приподнять дверь настолько, чтобы можно было проползти под ней. Его собственное оружие осталось лежать, где лежало, нетронутое под зеркальным куполом гиперволокна.

А врага словно ветром сдуло.

Убит ненадолго, или, возможно, Памир его отпугнул.

Человек задержался на несколько минут, обыскивая дом мертвеца в поисках не дающихся в руки подсказок, а затем выскольз-

нул на авеню — по-прежнему пустую и безопасную на вид, но тающую почти осязаемую угрозу, которую теперь он и сам чувствовал.

XI

Девяностосекундное путешествие по трубе доставило его к передней двери Розеллы. Апартаменты обратились к мужчине по единственному известному им имени, заметив:

— Вы ранены, сэр. — В официальном голосе проведенных собственноручный поверхностный осмотр покоев отчетливо звучала тревога. — Вам известно, насколько серьезно вы ранены, сэр?

— Я догадываюсь, — бросил Памир. В ноге и животе его все еще сидело порядочно осколков, так что мужчина неуклюже хромал и переваливался. — Где хозяйка?

— Там, где вы оставили ее, сэр. В патио.

Боялись, кажется, все, кроме нее. Но с чего бы женщине беспокоиться? Розеллу всего лишь небрежно прирезал на скорую руку вор, что на шкале преступлений находилось где-то в самом низу.

— Пусть пройдет в спальню.

— Сэр?

— Я не стану говорить с ней на открытом пространстве. Передай ей.

— А что с ее другом?..

— Еще один муж мертв.

Тишина.

— Ты передашь ей?.. — начал Памир.

— Она уже идет, сэр. Как вы и просили. — Затем, после паузы, апартаменты предложили: — Насчет Галлия, пожалуйста... Думаю, вы должны сами сообщить эту скорбную новость...

Он сказал ей.

Сейчас на женщине были обтягивающие брючки и шелковая блуза, сотканная общинными вышивальщицами района Колохон, а каждый палец ее босых ног унизывали черные кольца, и пока она сидела на одном из дюжины приспособляющихся к телу кресел, выслушивая отчет о событиях последнего страшного часа, лицо ее становилось еще более печальным, если, конечно, такое возможно, и отстраненным. Розелла не издала ни звука, хотя Памира не оставляло ощущение, что женщина вот-вот заговорит. Грусть, и боль, и очаровательные черты свидетельствовали о непрестанной работе мысли, светлые глаза будто видели перед собой что-то значительное. Но губы не шевелились. Когда же она наконец пробормотала несколько слов, Памир едва не прослушал.

— Кто ты?

Правильно ли он понял вопрос?

Но она повторила:

— Кто ты? — И подалась вперед, так что блузка на груди распахнулась. — Ты не похож на техников отдела охраны окружающей среды, и не думаю, что ты вообще специалист по безопасности.

— Да?

— Ты бы не выжил, если бы был обычным зарегистрированным человеком. — Казалось, что женщина сейчас рассмеется: высоко на ее левой щеке затрепетала маленькая ямочка. — А если уж выжил, то бежал бы сейчас без оглядки.

— Я просто хотел, чтобы ты показала мне безопасное направление.

Она не ответила, а только разглядывала мужчину — долго, целую вечность. Затем снова откинулась на спинку удобного широкого кресла и спросила:

— Кто тебе платит?

— Ты.

— Я не это имела в виду.

— А я не слишком нуждаюсь в деньгах.

— Так ты не скажешь мне кто?

— Сперва признайся кое в чем, — предложил он.

У нее были длинные руки, изящные и стремительные. Тонкие пальцы немного поплясали на бедрах, а когда наконец успокоились, Розелла спросила:

— Что я могу сообщить тебе?

— Все, что знаешь о своих мертвых мужьях, и о тех, кто еще жив. — Памир наклонился и добавил: — В частности, мне хотелось бы услышать о твоём первом муже. И, если можешь, объясни, почему у меня в голове так и вертится мысль о Вере Многих Соединившихся.

XII

Она видела его несколько раз во время круиза и даже как-то беседовала с этим высоким, худощавым и утонченным джей'джелом со склонностью к человеческой одежде, особенно к красным шерстяным пиджакам и замысловато завязанным белым шелковым галстукам. Кре'ллан казался привлекательным, хотя и не исключительно красивым. Он был умен и обаятелен. Однажды, когда их лодка исследовала луддитские острова посреди моря Через-Край, он спросил, можно ли присоединиться к ней, и лениво развалился в соседнем шезлонге. Следующий час — а возможно,

и целый день — они дружески болтали о всяких пустяках, обмениваясь сплетнями, в основном о знакомых пассажирах и крохотном экипаже суденышка. Было сделано несколько попыток подсчитать пересеченные ими к настоящему времени океаны и дать им оценку, упорядочив по красоте, истории и, наконец, обитателям. Какой порт был самым любопытным? А какой самым скучным? С какими чужаками каждый встретился впервые? И каково же первое впечатление? А второе? И если бы им пришлось следующую тысячу лет прожить в одном из этих уголков, какое именно место они бы выбрали?

Розелла наверняка забыла бы этот день. Но неделю спустя она согласилась в дополнение к основному маршруту осмотреть еще и Лужок.

— Ты знаешь этот остров?

— Не очень, — соврал Памир.

— Я так и не поняла смысла его названия, — призналась Розелла, прищурившись, словно снова задавшись поставившим ее в тупик вопросом. — За исключением нескольких полосок мха, остров весь покрыт льдом. Мне говорили, там жутко холодно. Это связано с подъемом глубинных вод и экологией моря. Но с наветренной стороны проходит теплое течение, несущее сырость. Тамошние бесконечные снега вошли в легенду, и нельзя переплыть море Через-Край, не посетив Лужок хоть раз. По крайней мере так твердили мне друзья.

— Кре'ллан был в вашей группе?

— Нет. — Вопрос отчего-то позабавил женщину. Она коротко хихикнула и добавила: — Все были людьми, кроме гида — ИИ в точной копии человеческого тела.

Памир кивнул.

— Мы спустились на лед на энергетических лыжах во время кошмарной пурги. Но потом гид словно ненароком заметил, что сегодня выдался ясный денек и мы должны быть благодарны за отличную видимость.

В лучшем случае они видели метров на двадцать в любом направлении. Она была со своей хорошей подругой, родившейся на Великом Корабле, как и Розелла, но на тысячу лет раньше. Розелла знала эту женщину всю свою жизнь. Они вели бесконечные разговоры и посещали одни и те же вечеринки, а их походы по магазинам растягивались порой на недели. Они всегда путешествовали вместе. И за всю их совместную жизнь ни с одной из женщин не случилось ничего по-настоящему серьезного.

Толща глетчера неуклонно росла под волнами снегопада. Розелла и ее спутница отделились от группы, свернув к высокому гребню, почти на километр возвышающемуся над невидимым мо-

рем. Снег повалил гуще — пушистые влажные хлопья, слипшись еще в воздухе, сыпались с белых небес плотными снежками. Женщины на лыжах скользили бок о бок, связанные «разумным» тросом. Так получилось, что Розелла оказалась впереди. Что произошло потом, она сказать не могла. Первой — и лучшей — мыслью, пришедшей ей в голову, была мысль, что подруга решила пошутить. Она заблокировала трос и отвязалась, а когда гребень расширился, попыталась обогнать Розеллу, возможно, чтобы напугать ее в тот момент, когда та была полностью незащищена.

Вопрос, где именно упала подруга, так и остался загадкой.

Позже, добравшись до конца хребта, Розелла обнаружила, что она одна, но, естественно, предположила, что ее спутница устала и вернулась к группе. Повода для волнений не было, да и волноваться она не любила, так что Розелла больше не думала об этом эпизоде.

Но остальные туристы не видели пропавшую женщину.

Организовали поиски. Однако густой снегопад превратился в нескончаемую, низвергающуюся с небес лавину — иначе это явление природы и описать нельзя. Меньше чем за час ледник вырос на двадцать метров. К тому времени, как спасательные отряды смогли приступить к работе, стало очевидно, что пропавшая пассажирка провалилась в одну из широких расщелин и ее тело мертво, а не зная его местоположения, остается лишь ждать, когда лед вытолкнет раздавленный труп в море, и там уже искать искореженные останки.

Теоретически человеческий мозг способен перенести подобное.

Но гид-ИИ не верил теориям.

— Чего вам никто не скажет, так это того, что этот гребаный остров когда-то был промышленной площадкой. Почему же, как вы думаете, инженеры ее прикрыли? Чтобы спрятать свои ошибки, конечно. Остров сложен из всякой дряни, в основном из экспериментального гиперволокна, очень острого и нестабильного, и, если приложить достаточно давления, даже лучшая биокерамическая голова треснет. Разобьется вдребезги. Хрясть — и все, и в море высылется пара горстей забавного песочка.

Ее подруга погибла.

Розелла никогда не любила эту женщину больше любого другого своего приятеля и не чувствовала, что их связывают какие-то особые узы. Но потеря оказалась тяжела, ощущение утраты не затухало, так что следующие несколько недель женщина ни о чем другом и не думала.

А тем временем их лодка, совершающая круиз по Великому Кораблю, достигла нового моря.

Однажды ночью в окружении обширной серой метановой глади Розелла случайно встретила с мужчиной джей'джелом в крас-

ном пиджаке, красных брюках и причудливом белом галстуке под почти человеческим лицом. Он улыбнулся ей — искренне, чисто-сердечно. А потом тихо спросил:

— Что-то не так?

Никто в ее группе не заметил боли Розеллы. В отличие от женщины, они были убеждены, что их спутница вскоре вернется из забвения.

Розелла присела рядом с джей'джелом. Довольно долго оба молчали, и женщина поймала себя на том, что смотрит на его босые ноги, размышляя о непрочности жизни. А затем сухо, глухим голосом призналась:

— Я боюсь.

— Правда? — спросил Кре'ллан.

— Знаешь, в любой момент, совершенно неожиданно, Великий Корабль может столкнуться с чем-нибудь громадным. Идя на трети скорости света, мы можем врезаться в неосвещенную планету или угодить в маленькую черную дыру, и в следующую секунду погибнут миллиарды.

— Это может случиться, — спокойно отозвался собеседник. — Но я безоговорочно верю в талант и мастерство наших капитанов.

— А я нет, — возразила она.

— Нет?

— Мне кажется... — Она помедлила, дрожа отнюдь не от холода. — Я тут подумала, что живу себе, живу и никогда еще не хватала жизнь за горло. Ты понимаешь, что я хочу сказать?

— Прекрасно понимаю, — ответил он.

Длинные пальцы ног джей'джела согнулись и снова расслабились.

— Почему ты не носишь ботинки? — спросила она наконец.

И Кре'ллан очень, очень нежно и мягко опустил ладонь на ее руки.

— Я чужак, Розелла, — тихо, с улыбкой сказал он. — И ты не представляешь, как я хотел бы, чтобы твоя душа сумела как-нибудь забыть об этом.

— Мы стали любовниками еще до исхода ночи, — призналась женщина. Мечтательная улыбка перешла в неодобрительный смешок, словно Розелла осуждала себя. — Я думала, все мужчины джей'джелы сложены как он. Но Кре'ллан объяснил, что это не так. Тогда-то я и узнала о Вере Многих Соединившихся.

Памир кивнул, ожидая продолжения.

— В конечном счете мою потерявшуюся подругу нашли. — Она горько рассмеялась. — Несколько лет спустя патрульное судно, курсирующее вдоль края глетчера, наткнулось на кости и че-

реп с ее разумом внутри. Целым и невредимым. — Розелла поерзала в кресле, пышная грудь под блузкой всколыхнулась. — Через месяц ее восстановили и вернули в прежнюю жизнь, и знаешь что? За прошедшие с тех пор десятилетия я разговаривала со своей старой подружкой раза три, не больше. Забавно, не так ли?

— Вера, — напомнил Памир.

Казалось, она ждала понукания, но не поддержала тему. Вяло пожав плечами, Розелла заметила:

— Кто бы ты ни был, ты не был рожден в комфорте и богатстве. Бывает и так, и это, думаю, говорит о многом. Тебе пришлось бороться... наверное, большую часть жизни... бороться за вещи, которые любой дурак считает важными. В то время как такие, как я, — а я далеко не дура — шагают по раю, даже не спрашивая себя: «А смысл?»

— Вера, — повторил мужчина.

— Подумай о проблеме, — сказала она, а потом спросила, глядя сквозь собеседника: — Ты можешь себе представить, как это трудно, вовлечься — романтично и эмоционально — в отношения с другими расами?

— Мне это отвратительно, — солгал он.

— Это отвратительно многим из нас, — заметила женщина и взглянула на него, словно сомневаясь, правду ли сказал мужчина о своих чувствах. Затем отбросила колебания. — Меня не ужаснула мысль о сексе с представителем не моего вида, — призналась она. — Впрочем, и не особо увлекла тоже. Как-то так, серединка на половинку. Но когда я узнала об этой тайной вере джей'джелов... о том, как собираются одинаково мыслящие души, делая первые решительные шаги в том, что может стать логической эволюцией жизни в нашей Вселенной...

Голос женщины затих, уплыв куда-то.

— Сколько у тебя мужей?

Она изобразила удивление:

— Что? Ты не знаешь?

Памир выдержал ее взгляд.

Наконец она сказала сама:

— Одиннадцать.

— И ты *соединялась* со всеми.

— До недавнего времени да. — Ресницы ее задрожали, глаза посветлели от подступивших слез. — Первая смерть выглядела случайным убийством. Кошмарно, но представимо. Но за первым последовало второе, а за вторым, через несколько месяцев, третье. В каждой трагедии использовалось одно и то же оружие, и почерк казни каждый раз был одинаков... — Голос женщины снова сорвался, точно из оставшегося приоткрытым рта вдруг

выпали все слова. Тонкая рука вытерла слезы, размазав влагу по острым скулам. — Поскольку погибшие принадлежали к разным расам и поскольку послушники Веры... мои мужа и я сама... дали клятву хранить тайну...

— Никто не заметил системы, — закончил Памир.

— О, думаю, они поняли, что творится, — пробормотала женщина. — После пятой или шестой смерти сотрудники безопасности провели обыск в библиотеке. Но никто из наших ни в чем не признался. А потом убийства стали происходить реже, и расследование прекратилось. Никому не предложили защиты, и мое имя ни разу не упоминалось. По крайней мере, я так предполагаю, потому что никто не пришел допросить меня. — А потом, тихо и сердито, Розелла добавила: — После того как они связали убийства с библиотекой, им стало плевать на происходящее.

— Откуда ты знаешь?

Она уставилась на Памира как на полного кретина.

— Что? Неужели власти втихую постановили, что это грязное внутреннее дело Соединившихся?

— Может быть, — сказала женщина. — А может быть, им кто-то приказал прекратить поиски.

— Кто?

Глядя поверх его головы, женщина внятно произнесла:

— Нет.

— Кто не хочет, чтобы убийства прекратились?

— Я не... — начала она. Потом тряхнула головой. — Не могу. Спрашивай что угодно, но я больше ничего тебе не скажу.

И он спросил:

— А тебе не кажется, что и ты в опасности?

— Вряд ли, — вздохнула она.

— Почему нет?

Женщина промолчала.

— В живых осталось двое мужей, — напомнил Памир.

Розелла разыграла нерешительность, затем согласилась:

— Подозреваю, ты в курсе, кто эти двое.

— Один — глорий. — Глории были птицеподобными существами, с почти человеческой фигурой, но покрытые восхитительно ярким оперением. — Он твой последний муж, правильно?

Розелла кивнула:

— Только он умер в прошлом году. На противоположном конце Великого Корабля, в одиночестве. Тело обнаружили лишь вчера.

Памир вздрогнул:

— Мои соболезнования.

— Да. Спасибо.

— И твой первый любовник?

— Да.

— Джей'джел в красном пиджаке.

— Да, Кре'ллан. Я знаю, кого ты имеешь в виду.

— Остался последний, — заметил он.

И заработал испепеляющий взгляд.

— Я не выпрыгиваю замуж за кого попало. И мне плевать, что ты думаешь.

Памир встал и твердо отрезал:

— Ты не знаешь, что я думаю. Потому что я и сам понятия не имею, что творится в моей разбухшей башке.

Женщина потупилась.

— Джей'джел, — сказал Памир. — Я могу выследить его сам, или ты можешь нас познакомить.

— Это не Кре'ллан, — прошептала она.

— Тогда пойдем со мной, — предложил Памир. — Пойдем, посмотришь ему в глаза и спросишь сама.

ХIII

Раса джей'джелов никогда не была ни богатой, ни могущественной, однако среди них попадались индивидуумы немислимого возраста, постепенно и неустанно добывающиеся процветания. В отдаленных мирах они были осторожными биржевиками и незаметными землевладельцами, иногда — обладателями инопланетных технологий; и хотя повсюду они оставались чужаками, джей'джелы приспособлялись — настолько, что чувствовали себя как дома. А потом прибыл Великий Корабль. Юные и самоуверенные кузены джей'джелов, люди, пообещали перенести их через Галактику — за вознаграждение. Отважнейшие из чужаков-богатеев оставили за спиной сотни миров, растратив состояние ради возможности снова собраться вместе. У них не было своего мира, и все же некоторые надеялись когда-нибудь открыть новую планету, подобную их родине, — пустой дом, который не грех занять. Другие джей'джелы считали Землю и людей логичной, даже поэтической целью своей расы — местом, где можно влиться в ряды весьма успешных родственников.

— Но ни одно из решений не доставило мне особого удовольствия, — сказал джентльмен в красном почти человеческим голосом. — Ложь и непостоянство — вот границы между расами, и я надеюсь на радикально другое будущее.

Если верить его официальной биографии, возраст Кре'ллана примерно соответствовал возрасту Homo sapiens.

— Какого же будущего ты хочешь? — осведомился Памир.

Чужак улыбался — лучезарно и слегка отстраненно.

— Мой новый друг, — провозгласил джей'джел, — кажется, я уже честно перечислил все, чего желаю. И кстати, думаю, тебя не должны слишком беспокоить мои мечты об утопии.

— Да, я кое о чем догадывался, — согласился Памир. — И ты прав, мне нет никакого дела до твоих идей о парадизе.

Розелла сидела рядом со своим древним мужем, нежно поглаживая его руку. Разошлись они или нет, ей явно недоставало его компании. Они выглядели как любовники, позирующие для голографического портрета. Женщина тихо предостерегла Кре'ллана:

— Он подозревает тебя, дорогой.

— Ну естественно, подозревает.

— Но я сказала ему... я объяснила... ты не можешь быть в ответе за любое из этих...

— Это правда, — прервал бывшую жену джей'джел, и улыбка его превратилась в мрачноватую ухмылку. — К чему мне убивать кого бы то ни было? Какую пользу это принесло бы мне?

Дом джей'джела располагался у самого дна Откола и был поистине гигантским. Одна эта комната занимала площадь примерно в квадратный километр; в ней зеленел живой лес с бегущими между стволов говорливыми ручейками, а потолок был так высок, что под ним свободно могли кружить, не задевая друг дружку, с дюжину прирученных звездных птиц Рух. Но вся эта роскошь, все богатство бледнели в сравнении с видом из окон: разветвленные реки, струящиеся до середины Откола, освободились где-то в пятидесяти километрах над их головами, все алмазные трубы заканчивались на одном уровне, и их содержимое под огромным давлением вырывалось наружу. Поток, равный десяти Амазонкам, с ревом проносился мимо дома Кре'ллана. Вода и аммиак эффектно смешивались с химическими отходами и умирающим фитопланктоном. Струи агрессивных соединений буквально барабанили по головам, в пространстве происходили всевозможные химические реакции, меняющие окраску капель. В беспорядочной пене то и дело возникали и исчезали смутные фигуры. Существо с воображением разглядело бы в этих миражах всех встреченных им когда-либо, и Памир с радостью согласился бы сутками наблюдать за мельканием лиц тех, с кем ему довелось столкнуться за всю свою долгую странную жизнь.

Но окно только казалось окном. В действительности Памир смотрел на пласт высокопрочной гиперфибры, толстый и абсолютно непроницаемый, что бы ни швырнула в него природа. Вид был проекцией, убедительным фокусом. Кивая, человек заметил:

— Ты, наверное, чувствуешь себя в полной безопасности.

— На отсутствие сна не жалею, — ответил Кре'ллан.

— В большинстве случаев я в силах помочь людям в вопросах, касающихся их безопасности. Но не тебе. — Памир говорил совершенно искренне. — Не думаю, что Старший Штурман защищен лучше. Это гиперволокно. Эти интеллектуальные сторожевые системы. Эти псины из плоти и крови, обнюхавшие наши задницы по пути сюда. — Он широко улыбнулся и добавил: — Если не ошибаюсь, тебе даже не требуется покинуть эту комнату. Следующий десяток тысяч лет ты можешь сидеть, где сидишь, есть то, что падает с деревьев, и никто не тронет тебя и пальцем.

— Если бы я захотел — да.

— Но он не убийца, — пробормотала Розелла.

Тут женщина встала и отступила от древнего существа, неохотно отпустив его руку. Она приблизилась к Памиру и опустилась перед ним на колени. Внезапно она показалась человеку очень юной, серьезной и целеустремленной.

— Я знаю этого мужчину, — умоляюще выпалила она. — Ты даже не представляешь... если ты думаешь, что он мог причинить кому-то вред... по любой причине...

— Однажды я жил как джей'джел, — заявил Памир.

Розелла отшатнулась, ошеломленная.

— Я покрасил волосы в синий цвет, слегка перепаял эти кости и даже подправил генетику, так, на скорую руку, — достаточно, чтобы пройти обычное сканирование. — Памир не стал вдаваться в дальнейшие подробности, понимая, что и так наговорил слишком много. Тем не менее он чувствовал, что выбора нет. — Я даже завел любовницу-джей'джела. Ненадолго, но все же. Впрочем, она разгадала мое отвращение, и мне пришлось улепетывать среди ночи.

Теперь оба слушателя пристально взирали на него, смущенно и с любопытством.

— Так или иначе, — продолжил человек, — пока я терся среди джей'джелов, у них созрела некая юная девушка. Она была необычайно прекрасна, а ее семья принадлежала к кругу богатейших пассажиров Корабля. Завидная невеста. Не успел закончиться год, она завела троих преданных мужей. Но в нее влюбился еще кое-кто, а ему не хотелось делиться. Один из новых мужей женщины был убит, после чего двое других отправились в общественное собрание и развелись с ней. Они никогда больше не заговорили с ней. Женщина осталась одна, свободная и незамужняя. Какая разумная душа рискнула бы добиваться ее любви в подобных обстоятельствах? — Памир покачал головой, изучая лицо Кре'ллана. — Как я уже сказал, я ускользнул от любовницы ночью, не попрощавшись. По прошествии нескольких десятков лет старший джей'джел сделал вдове предложение. Она одинока, он — неплохой мужчина. Небогатый, но влиятельный и древний, и, в какой-то степени, мудрый. Так что

она согласилась, и когда с ее новым мужем ничего страшного не произошло, все догадались, кто организовал убийство. И приняли это. Вот они, джей'джельские нравы.

— Мою душу никогда еще не обвиняли в ревности, — произнес Кре'ллан ровным, бесстрастным голосом.

— А я вот обвиняю, — заявил Памир.

Молчание.

— Конфликты из-за самок для некоторых рас обычное дело, — не унимался человек. — Монополизация ценного супруга — хорошая эволюционная стратегия, и в этом джей'джелы ничем не отличаются от всех остальных. Десятки миллионов лет цивилизации не изменят твоей первобытной природы.

Кре'ллан фыркнул:

— Подобное варварство не для меня.

— Согласен.

Зеленые глаза прищурились.

— Прошу прощения, сэр. Не думаю, что понимаю. В чем именно вы меня обвиняете?

— Эта великолепная, просторная крепость... — продолжил Памир. — И, как ты утверждаешь, ты не ревнив. Но пригласил ли ты сюда остальных мужей? Предложил ли хоть одному из них пристанище и всю эту дорогостоящую безопасность?

Розелла, не дыша, смотрела на джей'джела.

— Не предложил, — подытожил Памир, — по одной весьма разумной причине: а что, если один из твоих гостей хочет сам заполучить Розеллу?

Вибрирующее напряжение повисло между любовниками.

— Каждый муж был в твоих глазах подозрителен. Два удалца казались самыми очевидными кандидатами. — Он снова взглянул на Розеллу. — Особенно Галлий, относительно бедная особь, рожденная среди кичливости и насилия. Представители его расы — обоих полов — каждый день похищают партнеров. Но теперь Галлий мертв, и твоему супругу, кажется, больше не о чем беспокоиться.

— Но я не убийца, — повторил Кре'ллан.

— О, не спорю, — отозвался Памир. — Ты невиновен.

Это утверждение, казалось, разозлило пару. Первой вспыхнула Розелла:

— И когда ты пришел к такому заключению?

— Как только узнал, кто твои мужья, — ответил Памир. — В тот самый миг. — Не вставая с кресла, он подался вперед, глядя в бурливые воды. — Нет, Кре'ллан не убийца.

— Ты понимаешь мою сущность? — спросил джей'джел.

— Возможно, но это не главное. — Памир рассмеялся. — Нет. Ты слишком умен и слишком стар, чтобы влезать в такое дерьмо из-за человеческой самки. Говори сколько хочешь, что все расы одинаковы. Но против факта не попрешь — человеческие особи не джей'джелы. Очень немногие из нас, даже в самых сложных обстоятельствах, способны закрыть глаза на то, что их супруг — жестокий убийца.

Кре'ллан едва заметно кивнул.

Розелла поднялась, стиснув в кулаки нервные пальцы. Она выглядела уязвимой, милой и очень расстроенной. Осознание задрожало в бледно-голубых очах, и женщина отвела от джей'джела взгляд.

— Очевидно еще кое-что, — заметил Памир. — И было очевидно с самого начала.

— Что очевидно? — сухо спросил Кре'ллан.

— С самого начала, — повторил Памир.

— Что ты имеешь в виду? — вскинулась Розелла.

— Хорошо. — Памир следил за волнуемой женщиной. — Предположим, я убиваю твоих мужей. Я хочу, чтобы мои соперники умерли, а сам предпочитаю дожить до конца. Конечно, я начал бы с Кре'ллана. Поскольку он так ценит безопасность... и защищен лучше всех остальных, вместе взятых... я бы нанес удар еще до того, как он хотя бы почувал угрозу...

Слова человека упали в ледяную тишину.

Памир покачал головой:

— Убийца желал устранить из твоей жизни мужей. Думаю, он с самого начала точно знал, что ему нужно. Другие десятеро мужей должны быть убиты, потому что они горячо любят тебя, а ты, кажется, любишь их. Но этот джей'джел... что ж, он загадка совсем иного рода...

Кре'ллан выглядел заинтересованным, но каким-то отстраненным. Впрочем, когда после долгой паузы он выдохнул и заговорил, голос прозвучал слабо:

— Я не знаю, о чем ты толкуешь.

— Скажи ты, — обратился Памир к Розелле.

— Что — я?..

— Как ты встретила с ним во время того круиза. И что произошло с тобой и твоей доброй подругой до того, как ты отправилась в постель с этим чужаком...

— Не понимаю, — пробормотала женщина.

— Замолчи! — рявкнул Кре'ллан.

В животе Памира заворочалось приятное волнение.

— Кре'ллан хотел тебя, полагаю. Очень хотел. Ты была богатой незамужней человеческой самкой — а джей'джелы преклоняются

перед нашей расой — и обеспечила бы ему высоченное общественное положение. Но чтобы соблазнить тебя... ему, скажем так, понадобилась помощь. Вот почему он заплатил твоей подруге, чтобы та исчезла во льдах Лужка, сымитировав собственную смерть... Он воздействовал на твои эмоции порцией смертности...

— Прекрати! — бросила женщина.

А Кре'ллан буркнул:

— Идиот, — и еще кое-что.

— Гид-ИИ был прав, — сказал женщине Памир. — Вероятность того, что разум переживет давление льда и трение о гиперфибровые осколки... М-да, я нашел примечательным тот факт, что твою хорошую подругу нашли живой. Так что я решил навести справки.

Если пожелаешь, я покажу тебе результаты расследования. След закамуфлированной передачи ценных бумаг ведет от твоей подруги к компании, учрежденной всего за несколько часов до ее смерти. Загадочное предприятие осуществило всего один перевод средств, после чего объявило о своем банкротстве и испарилось. Получателем выступила твоя подруга. Возродилась она очень богатой душой, крупным акционером той самой недолговечной компании, особой, на пару с которой твой первый любовник и муж состряпал взаимовыгодное дельце.

Розелла сидела, оцепенев. Рот ее медленно открылся, закрылся и снова начал открываться. Ставшие ватными ноги отказывались поднимать тело, однако женщина все равно озиралась, не находя ни двери, ни люка, в которые можно было бы выскользнуть. Она угодила в ловушку чудовищной истины. И вдруг, когда Памиру уже казалось, что она вот-вот сломается, распадется на части, молодая женщина поразила его.

Она спокойно сказала Кре'ллану:

— Я расторгаю наш брак.

— Дорогая?.. — начал тот.

— Навсегда, — отрезала она и вытащила из кармана то, что выглядело обычным ножом.

Это и был обычный нож. Сапфировому лезвию не длиннее ладони хозяйки потребовалось десять секунд, чтобы вырезать — во второй раз за два дня — дармионский кристалл из груди женщины; прежде чем упасть, Розелла швырнула окровавленный дар в ошеломленное и жалкое лицо.

XIV

Памир объяснил, что произошло, как только доставил женщину в ее апартаменты. Он опустил свою ношу на огромную круглую кровать; подушки сами удобно легли под голову, а ма-

ленький паучок-автоврач засуетился на бледно-голубых простынях, исследуя в первую очередь полузатянувшуюся рану и только потом — общее состояние тела.

Апартаменты тихо произнесли:

— Я никогда не видел ее такой.

Памир и сам за всю свою долгую жизнь редко встречал так глубоко погруженную в депрессию, настолько несчастную особу. Розелла лежала неподвижно, бледная и застывшая, и хотя глаза ее оставались открытыми, их заполняла бездонная слепота. Она ничего не видела, ничего не слышала. Как будто женщину сбросили с вершины Откола, и она падала, падала, ударяясь о стены, падала, бичуемая ветрами, истязаемыми душу, которая уже не чувствовала оскорблений.

— Я озабочен, — признались апартаменты.

— Резонно, — откликнулся Памир.

— Это, должно быть, ужасно, потерять всех, кто любил тебя.

— Но кое-кто все еще любит ее, — возразил мужчина и умолк, снова обдумывая все случившееся. — Скажи, — заговорил он, — какова характерная черта твоей расы?

— Это важно?

— Возможно, нет.

ИИ коротко описал свое происхождение.

— А твой порядковый номер?

— Не понимаю, какое это имеет значение.

— Ладно, забудь. — Человек отошел от неподвижной пациентки. — Я уже узнал достаточно.

Памир перекусил и выпил немного чужеземного нектара, после которого почувствовал себя слегка опьяневшим. Когда в голове прояснилось, он вздремнул, проспав минуту или час, после чего вернулся в спальню, к гигантской кровати. Розелла лежала там, где он ее оставил, только теперь веки женщины были опущены, а руки сложены на груди, поднимающейся, опадающей и снова поднимающейся в медленном мерном ритме, — трудно было оторвать взгляд от этой картины.

— Спасибо.

Голос как будто никому не принадлежал. Рот лежащей был приоткрыт, но услышать такие уверенные, спокойные, лишённые всякой грусти звуки мужчина никак не ожидал. Однако вежливый, очень приятный голос продолжил:

— Спасибо. Спасибо за все, сэр.

Сомкнутые веки не дрогнули.

Женщина услышала приближение Памира или ощутила его присутствие.

Он присел возле Розеллы на край постели и после долгой паузы сказал:

— Знаешь, ты имеешь право считать меня — кем бы я ни был — главным подозреваемым. Я мог убить всех мужей. И я определенно полюбил конец твоим отношениям с Кре'лланом.

— Это не ты.

— Потому что ты подозреваешь другого. Верно?

Она ничего не ответила.

— Кто, по-твоему, в ответе за все? — поднажал Памир.

Наконец глаза женщины медленно распахнулись и, дважды моргнув, наполнились слезами, которые, впрочем, так и не потекли по бледным щекам.

— Мой отец, — уронила она.

— Он убил твоих мужей?

— Очевидно.

— Вас с ним разделяют световые годы.

Молчание.

Памир кивнул и спустя секунду спросил:

— Что ты знаешь о своем отце?

— Довольно много.

— Но ты никогда не видела его, — напомнил мужчина.

— Я изучала его. — Она покачала головой и снова закрыла глаза. — Я проштудировала его биографию и, полагаю, неплохо узнала его.

— Его здесь нет, Розелла.

— Нет?

— Он эмигрировал еще до твоего рождения.

— Да, так говорила моя мама.

— Что еще? — Памир наклонился к женщине. — Что она сказала тебе об этом мужчине?..

— Что он силен и самоуверен. Что он всегда знает, что правильно и как лучше. И что он очень любит меня, но остаться со мной не мог. — Розелла прикусила губу. — Он не мог остаться здесь, но у него есть агенты, он обладает возможностями, и я никогда не буду без него. Мама обещала.

Памир снова кивнул.

— Мой отец не одобряет Веры.

— Охотно верю.

— Мама призналась, раз или два... что очень любила его, но что он плохо относится к чужакам. И умеет быть жестокосердным и способен на любые, даже самые страшные поступки, если видит необходимость...

— Нет, — прошептал Памир.

Светло-голубые глаза открылись.

— Что ты имеешь в виду?

— Твой отец ничего этого не делал, — заверил он женщину, задумался и закончил: — Ну, возможно, только частично.

— Что?..

Памир осторожно прижал пальцы к ее рту, а когда стал отводить руку, женщина стиснула его запястье и снова притянула ладонь мужчины к раздвинувшимся губам, наградив Памира легким стремительным укусом.

Так поступают джей'джелы.

Он нагнулся и поцеловал распахнутые глаза.

— Ты не должен, — выдохнула Розелла.

— Наверное, нет.

— Если убийца знает, что ты со мной...

Памир вложил два пальца глубоко в теплый рот — по джей'джельскому обычаю. И женщина принялась сосать их, не пытаясь больше заговорить, лишь глаза Розеллы улыбнулись, когда Памир спокойно и плавно скользнул в постель — к ней.

XV

Одна из падающих рек подошла близко к стене, так что стало видно, что она несет. В алмазной трубе плескался косяк снабженных плавниками созданий, не псевдорыб и не псевдокитов, а механизмов в форме капающих слез, в чьих сердцах наверняка распадался водород, производя необходимую обитателям водопада энергию, удерживающую их тела посреди неустанного, стремительного и хаотичного потока, буйного, завихряющегося и исключительно непривлекательного.

Секунду Памир наблюдал за плавающими машинами, придя к выводу, что именно так ему и приходилось жить веками.

Пожав плечами и негромко рассмеявшись, он продолжил долгий подъем вдоль ряда скромных жилищ. Библиотека находилась всего несколькими метрами выше — крошечный портал, вырубленный в гладкой базальтовой стене. Значение помещения было так хорошо скрыто, что тысячи проходящих тут каждый день туристов разве что задерживались на краю обрыва, чтобы посмотреть вниз, но чаще продолжали прогулку, разыскивая интересные речные виды. Памир бросил ленивый взгляд на закрытую дверь, изображая умеренное любопытство, и остановился у простой стены, идущей вдоль внешнего края тропы, опустив руки на прохладный камень и рассматривая сверху сказочный Малый Удел.

Пухлое облако цветом и плотностью напоминало масло. Триллион триллионов микробов процветало внутри аэрогельной мат-

рицы, поддерживая экосистему, которая никогда не коснется твердой поверхности.

Дверь в библиотеку распахнулась — джей'джельское дерево на скрипучих железных петлях.

Памир открыл сеть и запустил старый, почти забытый капитанский канал. Затем с улыбкой повернулся на скрежет. Из библиотеки вышла Розелла в синем балахоне неофита и заморгала, привыкая к яркому свету. Массивная дверь захлопнулась, и тогда женщина тихо сказала:

— Все в порядке.

Памир приложил палец к сомкнутым губам.

Она шагнула ближе и сообщила по сети:

— Я сделала то, о чем ты просил.

— Покажи.

Она продемонстрировала тонкую голубую книгу.

— Положи на землю.

Это был ее личный журнал — единственный том, который женщине позволили вынести из библиотеки. Она опустила книжку к носкам своих сандалий и спросила:

— Как ты думаешь, меня заметили?

— Я же обещал, заметили, не сомневайся.

— И теперь нам остается только ждать?

Он покачал головой:

— Нет, нет. Для такой игры я слишком нетерпелив.

Памир выстрелил, не дав плазменной пушке как следует разогреться, и превратил пластиковые страницы и деревянную обложку в разреженное облачко раскаленного пепла.

Розелла крепко обхватила себя за плечи.

— Вот теперь подождем, — заявил мужчина.

Уже не в первый раз женщина призналась:

— Я не понимаю. До сих пор. Кто же виноват?

И снова тяжелая дверь открылась.

Не оглядываясь, Памир воскликнул:

— Привет, Леон'ард!

Библиотекарь-джей'джел был в том же самом лилово-черном балахоне, с тем же голубым хвостом на голове, да и выражение его лица за последние дни не изменилось — желчный гнев, сфокусированный на тех, кто рискнет причинить вред его беспомощным подопечным. Он уставился на остатки книги, а потом на двух людей, в основном сверля взглядом физиономию мужчины, пока в глазах джей'джела не забрезжило смутное узнавание.

— Я вас знаю? — начал он.

Памир не отказался от облика, который носил последние тридцать два года. Он улыбнулся — лишь черные зрачки

человека остались ледяными. Тихо и яростно Памир проговорил:

— Я нашел мою жену, и спасибо тебе за помощь.

Леон'ард взглянул на Розеллу, и лицо его превратилось в клубок диких эмоций.

— Твою жену? — прошипел он, брызжа слюной, затем наклонил голову и заявил: — Нет, она не твоя жена.

— Откуда ты знаешь? — спросил Памир.

Джей'джел не ответил.

— Что ты еще знаешь, Леон'ард?

Леон'ард стремительно бросил взгляд через плечо — не на библиотечную дверь, а на ближайшее помещение. Он был на пределе. Библиотекарь казался хрупким и нерешительным, нервные руки комкали ткань балахона, длинные пальцы ног сгибались и разгибались. Все было очевидно. Прозрачно. Явственно. И, подлив масла в огонь паники чужака, Памир сказал:

— Я знаю, что ты сделал.

— Нет, — без всякой уверенности ответил Джей'джел.

— Ты кое-чему научился, — продолжил человек. — Ты решительный ученый и талантливый исследователь иных рас, и несколько лет назад, то ли предумышленно, то ли просто благодаря слепой удаче, ты открыл кое-что. Кое-что, чему полагалось быть великой, непостижимой тайной.

— Нет.

— Тайной моей жены.

Розелла моргнула:

— Что?

Памир хрипло рассмеялся.

— Расскажи ей, — предложил он.

Кровь отлила от лица Леон'арда.

— Согласен, нет, — продолжил мужчина. — Пусть это останется между нами, правильно? Потому что она понятия не имеет, совершенно...

— О чем? — воскликнула женщина.

— Она не твоя жена, — процедил сквозь зубы библиотекарь.

— Черта с два. — Он опять хохотнул. — Проверь публичные акты. Два часа назад, на гражданской церемонии, проведенной двумя йерскими монахами, мы, мужчина и женщина, связали себя законными узами...

— Что ты знаешь обо мне? — настаивала Розелла.

Памир не обращал на нее внимания, он смотрел только на Джей'джела.

— Но кто-то другой знает, что мы сделали. Точно? Потому что ты сказал ему. Так, мимоходом, пару слов. Возможно. Если,

конечно, именно ты составил этот простой, жестокий план, а он всего лишь твой сообщник.

— Нет! — завопил Леон'ард. — Я ничего не придумывал!

— Я мог бы поверить тебе. — Памир взглянул на Розеллу и незаметно подмигнул ей. — Когда я показал ему портрет одного из твоих мертвых мужей, он среагировал не совсем правильно. Я увидел удивление, но глаза джей'джела выдали еще и долю удовлетворения. Или облегчения? Леон'ард? Ты действительно возбудился при мысли, что Се'лен мертв и больше не будет докучать тебе?

Руки бледного, словно заледеневшего библиотекаря крепко сжимали трясущееся тело. Он снова оглянулся на соседние залы, рот джей'джела приоткрылся и захлопнулся, и тут Памир сказал:

— Смерть.

— Что? — переспросил Леон'ард.

— Есть бесчисленное число чудесных и хитроумных способов разыграть собственную смерть. Один из моих любимых — клонировать свое тело и поджарить пустой бездушный мозг, а потом сунуть его в живую оболочку, имитировав весьма специфическую кончину.

— Се'лен? — выдохнула Розелла.

— Думаю, да. — Памир лишь предполагал, но ни одно из логических умозаключений не выглядело натянутым или маловероятным. — Думаю, твой предыдущий муж был проникательным юношей. Он вырос в семье, жившей среди удальцов. Происхождение обязывает, не так ли, Леон'ард? Так что вполне естественно, и даже неизбежно, что его стали посещать мысли об убийстве конкурентов, включая и собственную личность...

— Расскажи мне, что тебе известно, — взмолилась Розелла.

— Почти ничего, — уверил ее Памир. — Это Леон'ард таскает на горбу кучу мрачных секретов. Спроси его.

Джей'джел спрятал лицо в ладонях.

— Уходите, — всхлипнул он.

— Что, Се'лен был твоим добрым другом и ты пытаешься помочь? Или он подкупил тебя, получив взамен полезную информацию? — Кивнув, Памир добавил: — В любом случае ты указал ему на Розеллу, наверное объяснив: «Она, возможно, самая желанная самка на Великом Корабле...»

Шипящая голубая плазменная молния ударила его в лицо, расплавив черты и стерев все, что было под кожей.

Безголовое тело пошатнулось и обмякло, привалившись к черной стене, Леон'ард отскочил назад, а Розелла застыла над останками последнего мужа с напряженным, но спокойным лицом — лицом матроса, уже прошедшего сквозь бесчисленные шторма.

XVI

Се'лен выглядел как праздный прохожий, рассеянно шарящий глазами по сторонам и лишь слегка нервничающий. Происшедшая драма как будто привела его в замешательство. Он очень походил на человека. Белокурые волосы и лилово-черная кожа часто встречаются в мирах с высокой интенсивностью ультрафиолетового излучения, а карие глаза тем паче совершенно обычны. На нем были сандалии, и брюки, и свободная рубашка, и он смотрел на изувеченное тело, видя в точности то, что ожидал увидеть. Потом он перевел взгляд на Розеллу и сказал нежно, но с неприкрытой угрозой в голосе:

— Ты не знаешь... не можешь знать... как я люблю тебя...

Женщину передернуло от ужаса.

Он попытался заговорить снова, объяснить.

— Убирайся! — крикнула она. — Оставь меня!

Не закрывая рта, он тряхнул головой — джей'джельский отказ — и спокойно сообщил:

— Я исключительно терпеливая личность.

В ответ она рассмеялась, горько и тонко.

— Не сегодня, нет, — уступил он. — И возможно, не последнюю тысячу лет. Но я буду приходить к тебе с новым лицом и именем — время от времени я буду приходить к тебе, — и настанет час, настанет мгновение, когда ты поймешь, что мы принадлежим друг другу...

Труп лягнул пустоту.

Се'лен взглянул на дело своих рук, возмущенный тем, что ему помешали завершить речь. Затем он сообразил, что тело съезживается, словно шарик, из которого медленно выходит воздух. Как странно! Джей'джел уставился на загадочный феномен, не в силах сложить воедино куски очевидного. Безголовые останки дернулись раз, другой, сохшуюся ногу высоко подкинуло. А потом из обугленной черной раны поднялся клуб синего дыма, а с ним — вонь горелой резины и опаленной гидравлики.

Левой рукой Се'лен выдернул из-под рубахи плазмотрон — серийную модель, предназначенную для промышленных работ, но со снятыми предохранителями, — и быстро развернулся, разыскивая истинную цель.

— В чем дело? — окликнул знаконца Леон'ард.

— Ты видишь его?

— Кого?

Молодой джей'джел был больше озадачен, чем встревожен. Он упрямо не поддавался панике, прокручивая в уме возможные варианты решений и прикидывая, какое из них лучше и проще.

На открытом пространстве, конечно.

— Просто оставь нас, — взмолился Леон'ард. — Я больше не выдержу!

Се'лен всадил пять зарядов подряд в базальтовую стену, проделав в камне дыру и вызвав дождь раскаленной добела магмы.

Где-то внизу кто-то взвыл.

Розелла кинулась к стене и выглянула в отверстие, Се'лен застыл рядом с ней, сжимая обеими руками пушку. Ее реактор уже закачивал энергию в крошечный ускоритель, подготавливая заряд, который сметет все на своем пути.

Джей'джел тоже собирался высунуть голову наружу, но передумал.

Оторвав одну руку от рукояти плазмотрона, он попытался придержать Розеллу за талию, но локоть женщины вонзился ему в пах, так что Се'лен согнулся пополам. Захрипев, он тихо выругался, а потом выдавил:

— Нет.

Всем своим весом Се'лен прижал женщину к гладкой черной стене, и вместе — его подбородок на ее левом плече — они нагнулись и выглянули за край.

Прятавшийся за стеной Памир ухватился за плазменную пушку джей'джела и сильно дернул.

И Розелла прыгнула.

Эти одновременные действия возымели результат: женщина и Се'лен оторвались от пола и, вывалившись сквозь отверстие в стене наружу, отправились в долгий полет. «Гекконовы когти» Памира мгновенно отцепились от базальта, и он тоже начал падать, отчаянно стискивая пистолет одной рукой и размахивая другой, стараясь угодить убийце в живот и по ребрам. В считанные секунды они набрали максимальную скорость. Влажный звенящий ветер проносился мимо, стена с одной стороны превратилась в сплошной размытый черный мазок, а сам Откол казался громадным, далеким и почти неизменным. Парящие реки и тысячи летучих машин находились вне досягаемости и были бесполезны. Все трое падали, и падали, и падали, и порой сквозь рев ветра прорывался случайный голос — какой-нибудь зевака на тропе восклицал: «Кто это?» Да, кто эти три сцепившихся, лягающихся тела? Се'лен колотил Памира свободной рукой, потом позволил подтянуть себя ближе, и новенькими зубами, которым от роду было всего-то несколько дней, впился в кисть противника, пытаясь вынудить его уронить плазмотрон.

Памир вскрикнул и разжал пальцы.

Се'лен целился в лицо, в душу Памира, но человек ударил врага по предплечью, оттолкнув его руку назад, а потом врезал

коленом по локтю, и снятое с предохранителей оружие выпустило всю припасенную энергию тонким слепящим лучом, впившимся в голову джей'джела, превращая его мозг в свет и золу; неслышный ультразвуковой щелчок на время оглушил остальных.

Памир отпихнул от себя труп и обнял Розеллу, она крепко держалась за него, и еще несколько минут, пока они неслись к желтым недрам живого, буйно цветущего облака, он надсадно кричал женщине в ухо, кое-что объясняя.

XVII

И снова близилась ночь.

Снова Памир сидел у своего дома, слушая вольные песни льянос вибра. Все выглядело обычным. Соседи шли мимо, или бежали мимо, или летели мимо на прозрачных крыльях. Пара янусиан задержалась, чтобы спросить, где он пропадал в последние дни, и Памир ответил что-то невнятное об улаживании домашних неурядиц. Семейство удальцов собралось вокруг огромного котла, поедая горяченького — с пылу с жару — целого быка и празднуя благополучное завершение очередного дня. Группа машин поинтересовалась работой факсимильной связи, которую они наладили для Памира. Все в порядке, линия сыграла предназначенную ей роль?

— О, конечно, — кивнул человек. — Все были здорово одурачены, по крайней мере пока шутка не кончилась.

— Смеялись? — спросил один из механизмов.

— Беспрестанно, на последнем дыхании, — поклялся Памир. И умолк.

К нему приближалась одинокая фигура. Он следил за этим силуэтом уже довольно долго, и когда машины удалились, мужчина тремя разными приборами изучил походку, лицо и поведение гостя. Затем перебрал варианты и решил остаться сидеть на месте, привалившись спиной к своему керамическому горшку и вытянув босые скрещенные ноги.

Она остановилась в нескольких шагах от Памира, глядя на него, но ничего не говоря. Мужчина первым прервал молчание.

— Ты размышляешь, — сказал он. — То ли бросить меня в тюрьму, то ли вовсе вышвырнуть с Корабля. Вот о чем ты сейчас думаешь.

— Но мы заключили договор, — возразила Миоцен. — Ты должен был помочь некой персоне, и ты помог и определенно заслужил свою плату, как и мою благодарность.

— Угу, — буркнул он, — но я тебя знаю. Ты спрашиваешь себя: «Почему бы не избавиться от него и не покончить с этим?»

Сегодня Первый Помощник облачилась в одежду пассажира и слегка изменила лицо: глаза стали голубыми, фиолетовые волосы свились во множество тугих пучков, скулы и рот расширились, но от этого улыбка на полных губах не стала теплее любой улыбки, когда-либо появлявшейся на лице этого сурового, несгибаемого существа.

— Ты меня знаешь, — пробормотала женщина.

А спустя секунду спросила:

— Ты расскажешь мне, кто ты?

— А ты еще не в курсе?

Она покачала головой и, с намеком на искренность, призналась:

— Так или иначе, меня это не слишком волнует.

Памир ухмыльнулся и слегка поерзал, устраиваясь поудобнее.

— Полагаю, я могла бы приказать взять тебя под стражу, — продолжила Миоцен. — Но человек с твоей сноровкой и удачей... У тебя наверняка припасено двенадцать разных способов сбежать из-под ареста. А если я отправлю тебя в колониальный мир или на планету чужаков... лет через тысячу ты точно придумаешь, как вернуться обратно, — и вернешься, как собака или скверная привычка.

— Не стану спорить, — кивнул он и спросил, тепло и серьезно: — Как Розелла?

— Та молодая женщина? Насколько я понимаю, она выставила свои апартаменты на продажу и уже переехала. Не знаю, куда именно...

— Дерьмо! — перебил ее мужчина.

Миоцен коротко усмехнулась:

— Возможно, у меня есть пара идей. Насчет того, кем ты можешь быть...

— Она уже знает.

Лицо женщины словно сузилось, а глаза увеличились и стали не такими непроницаемыми, как раньше.

— Что знает? — выдохнула она.

— Кто ее отец, — пояснил Памир. — В смысле — ее настоящий отец.

— Это все твои личные домыслы, — напомнила ему Первый Помощник и добавила, покачав головой: — Молодые женщины в определенные моменты становятся легковерны. Она не найдет никаких доказательств, даже если потратит на поиски все следующее тысячелетие... и ей неизбежно придется поверить в то, во что она верила всегда...

— Может быть.

Миоцен пожала плечами:

- Это уже не твоя забота. Не так ли?
- Возможно, и нет. — Светильники над головой мигнули в первый раз, и он сел прямо. — Вор — это твоя идея, да? Тот, кто явился за дармионским кристаллом?
- Зачем мне устраивать похищение?
- Затем, что потом случилось именно то, на что ты рассчитывала. Якобы случайное преступление заставило Розеллу довериться мне, и мы двое эмоционально привязались друг к другу.
- Но в одном я ошиблась, — не смутившись, заявила Миоцен.
- Неужто?
- Я предполагала, что убийца, кем бы он ни был, вероятнее всего, прикончит тебя. В процессе, конечно, изблотив себя.
- Вторая зыбь тьмы прокатилась по авеню. Памир взглянул прямо в лицо женщины и тихо, спокойно и строго сказал:
- Мадам Первый Помощник. Вы всегда были выдающейся и удивительно страшной сукой.
- Я не знала, что это был Се'лен, — заметила она.
- И не знала, почему он убивает мужей. — Памир медленно поднялся. — Потому что старый библиотекарь, Леон'ард, вычислил, кто такая Розелла. Он рассказал Се'лену то, что узнал, упомянув, что отец Розеллы — женщина, причем женщина, являющаяся вторым по значимости лицом на борту Великого Корабля.
- Да, в публичных записях имеются изъяны. — Женщина кивнула и добавила: — Этой проблемой я как раз собираюсь заняться.
- Хорошо, — ответил Памир.
- Миоцен прищурилась:
- И да, я трудная душа. Сучья королева и тому подобное. Но то, что я совершила, огромно и чрезвычайно сложно, и по миллиону уважительных причин будет лучше, если моя дочь останется в стороне от меня и моей жизни.
- Может быть, — согласился он.
- Оглянись на последние дни. Нужны ли тебе другие причины? — спросила она и шагнула ближе. — Но в одном ты не прав. Кем бы ты ни был.
- В чем?
- Ты решил, что я желаю твоей смерти, а это не так. Это риск и дело случая. Но, как хороший капитан, я должна была рассмотреть такую возможность и составить план действий в исключительных обстоятельствах, просто на всякий случай. — Она сделала еще шаг. — Нет, это было... вдобавок ко всему остальному, что как будто было... вот почему я подключила прослушку.
- Прослушку? — пробормотал Памир, искренне озадаченный.
- Ты, кажется, мастер исчезновений. — Миоцен подступила совсем вплотную и прошептала: — Может наступить день, когда

я не смогу больше защищать свою дочь, и ей потребуется испариться, основательно и навеки...

За третьей зыбью темноты упала монолитная чернота ночи.

— Вот твоя задача, если пожелаешь взяться за нее. — Слова женщины упали в непроглядный мрак. — Кем бы ты ни оказался... Эй, ты здесь, ты слышишь меня?..

XVIII

Розелла бродила неделями, шаг за шагом пересекая пустыню Индиго. Она путешествовала в одиночестве, прикрепив «плавающую» упаковку с припасами к поясу. Минуло десять лет, а может, и тысяча. Она с трудом вспоминала, сколько прошло времени, и это было хорошо. Женщина чувствовала себя во многих смыслах гораздо лучше, и старая боль стала настолько знакомой, что ею можно было пренебречь. Розелла даже испытывала некоторое подобие счастья. Прогуливаясь по опаленным камням или давя подошвами багровые мясистые стебли, она мурлыкала себе под нос иногда человеческие песни, а иногда мелодии, куда более трудные для воспроизведения, но от того не менее прекрасные.

Однажды днем женщина услышала, как ее напеву отвечает другой напев.

Взойдя на гребень обрывистого кряжа, она увидела нечто совершенно неожиданное — клумбу с пышными, ухоженными, политыми льянос вибра.

Растения запели ей — уже громче.

Женщина направилась к ним.

Среди цветов кто-то сидел. Возможно, человек. Судя по виду — мужчина. Сидел спиной к ней, лицо его совершенно скрывали нечесанные черные космы. И все же он отчего-то казался очень знакомым. Знакомым как нельзя лучше, и Розелла зашала быстрее, и улыбнулась, и попыталась пересохшими губами и осипшим голосом петь в унисон с чужеземными сорняками.